

III. ЛИБЕРАЛИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ РОССИИ

В качестве исходных понятий нами принято общее определение либерализма как идеологии, основанной на незыблемости «естественных прав» человека на свободу и безопасность личности, частной собственности и предпринимательской активности, на сопротивление насилию как со стороны отдельных субъектов, так и со стороны государства. Гарантией гражданских свобод считается правовое государство. Либерализм ориентирован на абсолютную ценность человеческой личности, ее приоритет по отношению к обществу и государству. Отсюда вытекает неприемлемость им насилия, предпочтение реформ революционным методам преобразования общества.

Либерализм мы рассматриваем как стадиальный тип цивилизации, рано или поздно приходящий на смену традиционным обществам. В соответствии с конкретно историческими условиями и сложившимися традициями он принимает различные формы. Как идеология либерализм в Западной Европе и был реализован в различных типах социально-политической организации общества, превратившись в своеобразную форму *этоса*. Однако как интеллектуальная традиция и как исторический тип общества он остается открытым в процессе своего развития. Поэтому, чтобы понять и по достоинству оценить перспективы развития русского либерализма в контексте мирового исторического процесса, необходим универсалистский подход, позволяющий определить как

общие основания и интенции исторического процесса, так и его национальные особенности и мотивации его исторического выбора.

Русский либерализм, вполне вписываясь в общую парадигму либерализма, имеет и богатые собственные культурно-исторические традиции, широкий спектр которых представлен в ряде публикаций последних лет¹⁹². Однако, как свидетельствует история, альтернатива либерального развития в России так и осталась нереализованной. И даже в настоящее время, когда наша страна, казалось бы, вступила на путь радикальных реформ, либерализм явно пробуксовывает. Историческая незавершенность русского либерализма объясняется отчасти тем, что он развивался на иной, чем европейский либерализм, социально-исторической почве, в иных природно-климатических условиях, в ином идейно-политическом контексте и опирался на свою мировоззренческую мотивацию. «В контексте поисков выхода из системного кризиса, в котором оказалась Россия в начале XX века, — как отмечает В.В.Шелохаев, — можно выделить три основных направления: традиционалистское, либеральное и социалистическое»¹⁹³. В силу конфронтационности их отношений в невыгодном, «зажатом» положении оказывалось среднее — либеральное (направление, в котором представители охранительно-традиционалистского направления видели «красную крамолу», социалистические революционеры — соглашательство и оппортунизм.

Вместе с тем русский либерализм и связанные с ним *модели* развития имеют определенные преимущества по сравнению с западным, «преуспевшим» либерализмом. Во-первых, сложившись позже европейского либерализма, он усвоил позитивные принципы последнего и вместе с тем уловил его противоречия, выявленные в формах господства финансовой олигархии, «обуржуазивания» человеческих ценностей, «мещанства» как образа жизни среднего класса. Во-вторых, он сумел синтезировать по-

зитивные положения классического либерализма с национальными ценностями русского менталитета, в частности углубив его гуманистический потенциал. В-третьих, в условиях нарастания мирового системного кризиса начала XX века движение «нового либерализма» в России выступило с развернутой программой интеграции либеральных ценностей, ориентированных на права личности, с социально-демократическими ценностями, ориентированными на социальные гарантии права каждого на достойное существование. Таким образом, традиции русского либерализма имеют самостоятельную научную ценность, во многом созвучную современной социально-экономической и политической ситуации в стране и мире.

Глава 1. Социально-историческая парадигма русского классического либерализма

1.1. Идейные истоки либерализма в России

Как идейное течение русский либерализм сформировался в полемике западников и славянофилов, в атмосфере обозначившегося кризиса романтически спекулятивных построений славянофильства и общего увлечения интеллектуальной молодежи гегелевским рационализмом и начинавшим входить в моду позитивизмом. Поражение России в Крымской войне нанесло сокрушительный удар по «метафизическим миражам» славянофилов и по официальной триаде — «православие, самодержавие, народность», поставив страну на порог принудительной модернизации. В этом контексте и возникла потребность пересмотра не только социально-политических ориентиров, но и переосмысления исторической ситуации в стране и в мире в целом. Ответом на эту потребность явился русский либерализм. Утверждение нового направления и распространение его влияния происходило под знаком поиска основ и смысла истории вообще и, разумеется, выявления места России во всемирном историческом процессе.

Мыслителем, обосновавшим и способствовавшим распространению новых идей, был К.Д.Кавелин. В истории русской общественной мысли он сыграл роль своего рода связующего звена между поколениями сороковых и шестидесятых годов, корректно вводя историю России в контекст мировой общественной мысли. По справедливой характеристике В.В.Зеньковского, «Кавелин был одним из самых видных и достойных представителей русской интеллигенции, в частности русского либерализма»¹⁹⁴.

Философские взгляды Кавелина на историю формировались в полемике со славянофилами. Он решительно выступает против славянофильской историософии, оценивающей настоящее с позиций идеализированного прошлого, противопоставляя ей принцип историзма, увязывающий настоящее не только с прошлым, но и с будущим. Возможность в одно и то же время судить историческое явление на основании прошедшего и чаемого будущего расширяет круг зрения, рождает многосторонний взгляд на предмет, освобождает от исключительности, легко переходящей в ограниченность. В том и состоит задача теории, чтобы в смене исторических форм обнаружить *историческую закономерность* и предвосхитить необходимость утверждения новых форм общественной жизни.

Движущей пружиной исторического процесса, согласно Кавелину, является человек с его насущными заботами и интересами. Историю творят люди, человеческие единицы, труд, результаты которого слагаются в условия исторической жизни, определяющие ее ход и вариантность развития. Поэтому-то разумность исторического процесса, его нравственное совершенство определяется положением человека в обществе, признанием его безусловного достоинства. К достижению этой цели различные народы идут бесконечно разнообразными путями, в соответствии со своими историческими предпосылками и традициями, наиболее отчетливо эту цель, по мнению ученого, сформулировало и поставило христианство, вооружив ею все христианские народы. Но в любом случае, настаивает он, «для народов, призванных ко всемирно-историческому действию в новом мире, такое существование без начала личности невозможно»¹⁹⁵. Народы, приносящие личность в жертву каким бы то ни было внешним целям, выпадают, по крайней мере на время, из исторического процесса, что обрекает их на отставание в развитии всех форм общежития.

Сочетание исторической закономерности с творческой самостоятельностью человека освобождает понимание истории от механистического детерминизма и волюнтаризма. К этой проблеме мыслитель возвращается в своих поздних трудах. Но, преобразуя природу и общественную жизнь, человек не может изменить объективных законов. Однако это не освобождает его от ответственности за свое будущее. Только «незнание и непонимание смысла истории и вообще хода человеческих дел могли внушить ложную мысль, будто все то, что совершается, так и должно было совершиться и иначе не могло быть», — разъясняет Кавелин свою позицию. При многообразии объективных условий человек руководствуется своими интересами и целями, которые отнюдь не всегда бывают наилучшими с точки зрения исторической закономерности. «Поэтому-то деятельность человека и подлежит суду, и вопрос, что было бы, если б исторические деятели поступили так, а не иначе, совсем не так суетен и бесплоден, как в наше время привыкли думать»¹⁹⁶.

С этих философско-исторических позиций Кавелин подходит к решению вопроса об отношении России к Европе и о ее месте в мировом историческом процессе. На решение его оказала влияние атмосфера шеллингианско-гегелевского исторического романтизма, согласно которому каждый исторический народ развивается в соответствии со своими исходными «началами». Это сближает Кавелина со славянофилами, но его либерализм, апелляция к роли личности их принципиально разделяет. Русский народ представляет собой совершенно «небывалую социальную формацию», поэтому развитие Европы и России до недавнего времени шло различными путями. В «Кратком взгляде на русскую историю» он следующим образом обобщает эту антитезу: «Наше движение историческое — совершенно обратное с европейским. Последнее началось с блистательного развития индивидуального начала, которое более и более вставля-

лось, вдвигалось в условия государственного быта; у нас история началась с совершенного отсутствия личного начала, которое мало-помалу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться. Конечно, должно наступить рано или поздно время, — подчеркивает он, — когда оба развития пересекутся в одной точке и тем выровняются»¹⁹⁷.

При таком подходе естественно возникает вопрос, что же нас объединяет? В ответе на него Кавелин в разных вариантах отстаивает один и тот же тезис: *решение проблемы личности*, хотя и с разных сторон. «Там надо было выдвинуть вперед те общие основания, на которых зиждется общественный строй и которые беспрестанно оттеснялись чрезмерно выдающимися притязаниями отдельных личностей и созданных ими добровольных товариществ и союзов. У нас, наоборот, главные направления внутренней истории выражают потребность вызвать к деятельности и жизни личность, ввести ее тоже в общую экономию развития»¹⁹⁸. Решение этой задачи Кавелин связывает с реформаторской деятельностью Петра Великого.

В полемике со славянофилами, которые обрели второе дыхание в начале царствования Александра III, Кавелин отходит и от «чистых западников», ориентированных только на Европу, склоняясь к более органическому пониманию истории. Отмечая различие исторических путей России и Европы и вместе с тем подчеркивая необходимость взаимодействия двух родственных культур, ученый приходит к выводу, что формы жизни у всякого живого и развивающегося народа складываются в определенные *начала* под воздействием *всех* условий и обстоятельств его существования. Этот общий закон, по мнению ученого, остается неизменным и в том случае, когда один народ перенимает формы жизни у другого: они определяют его жизнь лишь настолько, насколько им assi-

милированы и усвоены, а усвоено и ассимилировано может быть только то, что отвечает существу и потребностям народа.

Исходя из этого, Кавелин утверждает, что влияние Запада могло лишь ускорить *собственное* развитие России по пути общечеловеческой цивилизации, обозначившееся задолго до петровских реформ.

Древняя русская жизнь исчерпала себя вполне. Она развила все начала, которые в ней скрывались. Последним ее усилием было образование зачатков государственности и личностного начала. Петр придал начинаниям своих предшественников тотальный характер и облек их в европейские формы, более адекватные общечеловеческому цивилизационному процессу, нежели отечественные, сложившиеся в условиях государства вотчинного типа. Естественно, что при этом не все нововведения оказались совместимыми с российскими формами быта. Дальнейшее развитие истории внесло свои поправки как в сторону реакции, так и в сторону продвижения по четко обозначенному Петром пути развития России в русле общечеловеческой цивилизации. В этом свете эпоха Великих реформ, согласно Кавелину, есть закономерное развитие самой России и продолжение дела Петра.

К.Д.Кавелин был не только поборником либерализма, но и непосредственным участником проведения либеральных реформ. Ему принадлежит заслуга создания одной из первых моделей крестьянской реформы — записка 1855 г. «Об освобождении крестьян», ходившая по рукам читающей публики, позже опубликованная Герценом в 3 выпуске «Голосов из России» и в извлечениях Н.Г.Чернышевским в «Современнике». Его научная, публицистическая и общественная деятельности пересекались с творчеством другого представителя русского классического либерализма — Б.Н.Чичерина, который, в отличие от своего старшего коллеги, тяготел к строго

теоретической деятельности в обосновании либерализма как универсальной закономерности развития человечества.

1.2. Классический либерализм: модель Чичерина

Классическое выражение концепция русского либерализма получила в трудах Б.Н.Чичерина в такой мере, что мы вправе говорить о *модели русского либерализма Чичерина*¹⁹⁹. Точную оценку в этом отношении дает ему В.В.Зеньковский: «Чичерин явил в русской *историософии* и политической доктрине чистейший и редкий у нас тип защитника свободы личности *quand meme*»²⁰⁰.

Концепция либерализма Чичерина сложилась в условиях острого социального, экономического и политического кризиса абсолютизма, выражением которого стало позорное для России поражение в Крымской войне. Оно оказало большое влияние на либерализацию общественного мнения, послужив своеобразным катализатором проведения реформ. Большую роль в формировании либеральных настроений в обществе сыграли лекции, научные труды и публицистическая деятельность Чичерина. Но главной его заслугой является создание фундаментальной теории классического либерализма с учетом исторического развития России.

Философское мировоззрение Чичерина формировалось в период второй волны влияния гегелевской философии. Дань этому влиянию отдал и Чичерин. Позже, пережив юношеское увлечение, он все же настаивает на том, что «кто не прошел через этот искус, кто не усвоил себе вполне логики Гегеля, тот никогда не будет философом и даже не в состоянии вполне обнять и постигнуть философские вопросы»²⁰¹. Самому Чичерину овладение гегелевской философией привило приверженность к рационализму и завершенности формы, но его философ-

ская интуиция, творческий поиск и социально-нравственный пафос имели вполне самостоятельный и оригинальный характер. Не случайно В.В.Зеньковский, отмечая связь Чичерина с гегелевской философией, подчеркивает, что он «*в ряде самых ответственных и существенных пунктов* настолько отходит от Гегеля, настолько следует в этих пунктах совсем иным интуициям, чем это было у Гегеля, что, на наш взгляд, надо изучать Чичерина не в том, в чем он следует Гегелю, а в том, в чем он отклоняется от него»²⁰².

Действительно, следуя в общем метафизике и философии права Гегеля, Чичерин не соглашается с немецким мыслителем в главном — в тезисе о растворении личности в Абсолюте. Только признание абсолютной ценности самой *личности*, считает Чичерин, позволяет обосновать абсолютное значение нравственных начал человека и делает его не только свободным, но и нравственно ответственным за содеянное. «Философия и история раскрывают нам неотъемлемо присущее человеку стремление к свободе. И оно вытекает из глубины Духа, составляя лучшее его достояние и высшее достоинство человеческой природы. Как носитель абсолютного человек сам себе начало, сам абсолютный источник своих действий. Этим он возвышается над остальным творением и только в силу этого свойства он должен быть признан свободным лицом, имеющим права, только поэтому с ним непозволительно обращаться как с простым орудием»²⁰³. Источник свободы не в Абсолюте, ибо свобода предполагает и возможность уклониться от его законов. Смысл человеческой свободы в возможности человека «возвышаться к сознанию безусловной своей сущности и тем самым к своей независимости от чего бы то ни было, кроме самого себя»²⁰⁴. Личность, согласно Чичерину, имеет метафизическое основание. Она синтезирует в себе настоящее, прошедшее и будущее. В трактовке этого

вопроса Чичерин расходился с Вл. Соловьевым, который исключал свободу воли из нравственной философии, ориентированной лишь на «разумную свободу»²⁰⁵.

Естественной предпосылкой и абсолютным условием развития человеческой цивилизации, согласно Чичерину, является свобода личности, гарантированная правом. В праве Чичерин различает два момента: субъективный и объективный. Субъективное право есть нравственная возможность, или сознание законности свободы что-либо делать или не делать. Объективное право — есть самый закон, определяющий эту свободу. Соединение этих двух сторон и дает общее определение права: «Право есть свобода, определяемая законом. Где нет свободы, там нет и права. Лицо, которому закон не предоставляет внешней свободы, находится в совершенной зависимости от чужого произвола и потому (себе) самому представляется совершенно бесправным. Таково положение раба»²⁰⁶. Закон применим к человеку в том смысле, что он может исполнять его, но может и нарушить, зная, однако, что понесет за это заслуженное наказание. На признании свободы основаны понятия вины и ответственности. Точно так же и нравственный закон обращается к человеку как свободному существу, добровольно исполняющему свой нравственный долг. И только на этом основано его нравственное и человеческое достоинство. Таким образом, свобода имеет двойственный характер: с одной стороны, человек свободен по отношению к обстоятельствам и самому закону, но с другой — он сам ставит пределы своему поведению и тем самым берет ответственность за свои поступки и все происходящее в мире.

В развитии идей европейского либерализма Чичерин признает институт частной собственности, рассматривая ее как основание свободы человека, залог его независимости и поприще предпринимательской активности. Собственность может быть только частной, неоднократно настаивает Чичерин, ибо она создается трудом и сбере-

жениями отдельных индивидов. Поэтому понятие общественной собственности является нонсенсом. Собственность это и есть капитал, капитализация, т.е. накопление и обращение в оборот *живого труда* и *талантов* частных лиц. И чем больше прослойка людей, обладающих капиталом и составляющих костяк гражданского общества, чем активнее их участие в общественных и государственных делах, тем выше гарантия политической свободы, замечает он.

Но даже государство не может претендовать на собственность граждан. Только в случае крайней нужды на основе договора и за справедливое вознаграждение возможно то или иное ограничение прав собственности в пользу общества с правом распоряжения ею государством. В работе «Собственность и государство» он сознательно заостряет эту проблему: «Вторжение государства в область собственности и стеснение права хозяина распоряжаться своим имуществом всегда должно рассматриваться как зло, которое по возможности должно быть устранено. Посягательство же со стороны государства на право собственности иначе как в случае нужды и за справедливое вознаграждение всегда есть насилие и неправда»²⁰⁷. Только экономическая независимость граждан обеспечивает обществу политическую независимость.

Предметом особого интереса ученого стало *отношение между гражданским обществом и государством*. Гражданское общество представляет собой совокупность различных объединений граждан, основанных на взаимном интересе, но сохраняющих свободу инициативы и действия, ограниченную лишь правовыми нормами, перед которыми все равны. Право, таким образом, выступает как форма внешней свободы, ограничивающей своеволие индивидов и ставящее их в равные отношения друг к другу и обществу в целом. Однако равенство перед законом отнюдь не означает выравнивания возможностей и способностей индивидов, вытягивания одних и укорачи-

вания других, как на прокрустовом ложе. Напротив, равная для всех свобода предполагает свободное развитие и реализацию самых разнообразных способностей и возможностей индивидов. И правда как нравственный критерий равенства состоит в том, чтобы каждому воздать свое (*suum cuique tribuere*).

Каждому *гражданскому порядку соответствует порядок политический*, который и представляет *государство*. Оно является высшей формой человеческого общежития, как бы надстраивающейся над другими союзами — семьей, гражданским обществом и церковью. По определению Чичерина, государство есть союз народа, связанного в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага. Оно устанавливается затем, чтобы люди не истребили друг друга в борьбе за существование. Государство необходимо для того, чтобы привести враждующие силы к соглашению, укротить сильных и поддержать слабых, чтобы над частными интересами возвышался идеал общего блага, которому бы служили и те, и другие. На него возлагается и важная социальная функция. Оно призвано вносить поправку в «бесстрастно равнодушные» принципы конкуренции гражданского общества. Государство призвано компенсировать исходное, естественное и социальное, неравенство отдельных сословий, социальных групп и граждан в соответствии с принципом «перераспределительной правды», обеспечивая тем самым стабильность в обществе. Наконец, государство берет на себя функцию поощрения частной инициативы и талантов, направленных на общественное благо, вознаграждая достойных. В определенном смысле его можно рассматривать как страховой полис нации в целом, основанный за счет того, что каждый отдает часть своего достояния в «общую кассу» в целях гарантии от невзгод и случайностей. Однако гарантировать справедливость по отношению ко всем сословиям, гражданским союзам и отдельным гражданам, а в случае опасной разбалансировки

интересов общественного интереса может только *сильное государство*, обладающее авторитетом легитимности. Чем выше степень свободы в гражданском обществе, тем больше должна быть обеспечена власть — одно служит «поправлением» другого. При этом государство не должно поглощать и подавлять другие союзы. Оно возвышается над ними только во внешней сфере их взаимодействий, оставляя присущую им самостоятельность и самодеятельность в их собственной сфере. Однако при всем своем этатизме Чичерин исходит из принципа: «не лица для учреждений, а учреждения для лиц»²⁰⁸.

Согласно Чичерину, *человек как носитель абсолютного начала сам по себе имеет абсолютное значение*, и только в силу этого свойства он может быть признан свободным лицом. И именно поэтому *с ним непозволительно обращаться как с простым средством достижения каких бы то ни было внеположенных ему целей*. Этот тезис после Чичерина стал незыблемым основанием русского либерализма. Его различные частные определения могли меняться в зависимости от теоретических пристрастий или политической ситуации, но положение об абсолютной ценности человека всегда оставалось его краеугольным камнем.

Каждый европейский народ имеет свои особенности и, оставаясь европейским в силу исторических условий развития и культурных традиций, является английским, немецким, французским. Это тем более относится к русскому народу. Уже географическое положение России, ее этническая гетерономность, историческая необходимость объединения страны способствовали развитию не столько правовых отношений между свободными союзами, сколько авторитету власти, которая одна могла сплотить необъятное пространство и рассеянное по нему народонаселение в единое государственное тело. И все же Россия не представляет исключения в общем развитии европейской цивилизации. Великую заслугу Петра I

Чичерин видел в том, что он решительно вывел страну на путь европейского, общечеловеческого развития, ориентированного на активность личности в экономической, политической и духовной сферах. В этом же он видит смысл и тех Великих реформ начала царствования Александра II, которые окончательно направили россиян на общеевропейский путь развития.

В полемике со своими оппонентами из консервативного лагеря ученый подчеркивает необходимость либерализации всех сторон общественной жизни России и «увенчивающей ее» политической системы: «Не только распространение либеральных идей, которым никакие китайские силы не способны положить преграды, но и самая практическая необходимость ведет к водворению представительного правления. Государство, в котором задерживается общественная самодеятельность, не в состоянии тягаться со свободными странами, где все общественные силы развиваются на полном просторе и призываются к содействию общей цели. Поэтому когда среди народов, живущих общей жизнью, одни вступают на либеральный путь, они неизбежно увлекают за собою и других»²⁰⁹.

Переход к либерально-представительному государству Чичерин считал необходимым и неизбежным и для России, однако связывал его с *конституционной монархией*. Это послужило основанием критики его как со стороны левых радикалов, причислявших ученого к «охранителям», так и правых консерваторов, видевших в нем опасного радикала. Однако отношение ученого к будущему России было основано на глубоком изучении исторического прошлого и критического осмысления ее реального состояния. «Государство было исходною точкою всего общественного развития России с XV в. Возникшее на развалинах средневековых учреждений, оно нашло вокруг себя чистое поле; не было мелких союзов, крепких и замкнутых; отдельные личности, бродящие с места на место

и занятые исключительно своими частными интересами, одни противостояли новому общественному союзу. Главною задачею сделалось устройство государства, которое организовывалось сверху, а не снизу; нужно было устроить общий союз, а частные должны были служить ему орудием»²¹⁰.

Конечно, Чичерин прекрасно понимал, что говорить о гражданском обществе в России можно с большой натяжкой, а точнее, в смысле долженствования. Проблема *гражданского общества*, «*среднего класса*» была, можно сказать, камнем преткновения русского либерализма. Одни, подобно Чичерину, рассчитывали на то, что оно сформируется из той части дворянского сословия, которое сумеет преодолеть сословные предрассудки и обратится к свободной созидательной деятельности. Другие возлагали надежды на разночинную интеллигенцию, которая явится связующим звеном между высшим сословием и народом. Купечество и промышленники, целиком зависевшие от государственных заказов и жаждавшие не столько свободы, сколько льгот и охранительно-протекционистской политики двора, и еще не проявили себя субъектом социальных реформ, в большой расчет не принимались. Но все же главным камнем преткновения на пути гражданского общества оставалось *крепостное право*, которое исключало из числа активных граждан огромную часть населения России — крестьян, а другую часть превращало в работорговцев. Нерешенность этой проблемы ставила под вопрос формирование гражданского общества в России.

Идея о том, что в России в силу ряда объективных обстоятельств все реформационные преобразования общества, в отличие от Европы, осуществляются «сверху», а не «снизу», красной нитью проходит через все позднейшие работы ученого. «Россия вовсе не была приготовлена к либеральным идеям и учреждениям, оппозиции в ней нет, и правительству нетрудно справиться с отдель-

ными лицами, которые осмеливаются возвысить свой голос; не встречая препятствий в народе, правительство привыкло делать, что ему угодно»²¹¹. В этих условиях *только конституционно ограниченная монархия* может и должна «сверху» осуществить либеральные преобразования общества. Начало таких преобразований Чичерин связывал с Великими реформами 1861 года. При этом, подчеркивал он, не следует возводить в абсолют ни одну из государственных форм: что хорошо для одного места и времени, то не пригодно для другого. С этой точки зрения и сама монархия в России имеет исторические пределы и рано или поздно должна прийти к народному представительству. Позже, в специальной работе на рубеже XX века ученый углубил эту проблему. «Законный порядок никогда не может упрочиться там, где все зависит от личной воли и где каждое облеченное властью лицо может поставить себя выше закона, прикрыв себя Высочайшим повелением. Если законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества, то эта потребность может быть удовлетворена только переходом от неограниченной монархии к ограниченной. В этом и состоит истинное завершение реформ Александра II. Иного исхода для России нет»²¹².

Обращаясь к методам осуществления либеральных реформ, ученый неоднократно выступал против любых форм *насилия* на пути их реализации. «Подавление общественной самодеятельности никогда не обходится даром, — писал он в канун революции 1905 г. — Если в обществе есть живые силы, то насильственное их стеснение кончается взрывом; если же правительству удастся окончательно их сокрушить, то и общество, и государство погружаются в состояние полного отупения, из которого может вывести их только внешняя катастрофа»²¹³. Одновременно Чичерин решительно выступает против революционных форм экстремизма, пустившего глубокие корни в социалистической идеологии, ибо *революция*

не есть право, а нарушение всяческих прав. И хотя иногда она может быть оправдана обстоятельствами — достигшим предела угнетением и обнищанием народа, — но никогда не может быть признана выражением правомерного образа действия. Революция неприемлема не только с точки зрения права, но и потому, что она вызывает деструктивную волну анархии и разрушений, отбрасывающую общество вспять. Единственным правомочным способом модернизации общества остается путь реформ, которые вводят либеральные общественные и политические институты с учетом сложившихся традиций и одновременно воспитывают людей, приучая их к созидательной работе, а не к ожиданию «распределительного рая».

Будучи современником Маркса и распространения марксизма в Европе и России, Чичерин, естественно, не мог пройти мимо, не высказав своего отношения к идее социализма и коммунизма. Распространение социалистических идей, возбуждая уравнилельные страсти народа, вызывает смуты и потрясения и тем самым сбивает с толку робкие умы, которые, видя его грозные манифестации, идут на поводу у распропагандированных социалистами масс. Однако социализм, как идеологию, считает Чичерин, не следует сводить лишь к заблуждению ума. Он составляет необходимый момент в развитии мысли, но момент по своему содержанию ложный, основанный на тотальном отрицании опыта, выработанного историей, во имя фантастического будущего, которое обретает форму лжерелигиозной утопии. Вместе с тем социалистическая критика действительности указывает на темные стороны современного экономического быта и потому с ней необходимо считаться, подчеркивает он.

Ученый как бы проводит мысленный эксперимент, допуская возможность победы коммунизма, при котором наступит прокламируемое им «царство всеобщего равенства». «Но так как природу уничтожить невозможно, то насильственно подавленная личность неизбежно проявится

иным путем: она выразится в стремлении каждого пользоваться как можно более общественным достоянием, внося в него как можно менее со своей стороны. Чем недобросовестнее человек, тем легче это сделать. Тут в накладе будут не худшие, а лучшие элементы. Коммунизм, по меткому выражению Прудона, есть эксплуатация сильного слабым, и не в материальном только смысле, а также и в нравственном: это эксплуатация добросовестного недобросовестным»²¹⁴. Отсюда следует вывод о невозможности победы коммунизма. Но если даже допустить невероятное (ведь известно, что и утопии могут быть реализованы), коммунизм окажется экономически, социально и нравственно обреченным. «Едва ли можно представить себе что-нибудь ужаснее, как эксплуатация всего материального богатства страны и всего благосостояния частных лиц в пользу владычествующей партии. А к этому именно ведет социализм»²¹⁵.

Глава 2. Крестьянская реформа на пути к гражданскому обществу. Проекты и их реализация

2.1. Крестьянский вопрос

Основным вопросом на пути либерализации страны оставался крестьянский вопрос²¹⁶. Освобождение крестьян будоражило передовую общественную мысль со времен царствования Екатерины II и знаменитой книги Радищева, принимая форму утопических мечтаний и проектов, в реализацию которых мало кто верил. Но они сыграли свою роль: проблема была поставлена. Декабристы подхватили эту эстафету, но основной упор в их программах был сделан все же на политических свободах. И, пожалуй, только Н.И.Тургенев настаивал на приоритете решения крестьянского вопроса по отношению к политическим требованиям. «Недозволительно думать о политической свободе там, где несчастные не знают простой человеческой свободы». Уничтожение крепостничества, чему активно противился помещичий строй, он связывал с просвещенным самодержавием: «... только от этой власти мы можем ожидать уничтожения рабства, столь же несправедливого, как и бесполезного»²¹⁷. Но он оставался в меньшинстве: идеал политической свободы, как свободы вообще, кружил головы дворянским революционерам.

Первые заходы к решению крестьянского вопроса были предприняты уже в царствование Николая I. Наиболее дальновидные представители бюрократии, воспитанные в просвещенческой атмосфере предшествующего царствования, понимали, что крепостное право в условиях капиталистического развития Европы отбрасывает Россию в арьергард истории. Как свидетельствует придерживавшийся либеральной ориентации сенатор А.Я.Соловьев,

позже принимавший активное участие в разработке крестьянской реформы при Александре II и, в частности, подготовивший Историческую записку, уже при Николае был создан *первый секретный комитет* по крестьянскому вопросу. И уже на нем обозначились две модели разрешения крестьянского вопроса и соответственно две партии — либеральная и консервативная. Консерваторы признавали «справедливым» только тот способ, который утвердился в Остзейских губерниях, а именно, чтобы вся земля оставалась собственностью помещиков, а крестьяне получили бы лишь право личной свободы. В основном это были представители южных губерний, где земля и природные условия позволяли наладить товарное производство хлеба, используя для этого труд батраков, вчерашних крепостных, об условиях существования которых можно было бы уже не заботиться. Предлагаемая же либерально настроенным сановником еще александровской эпохи П.Д.Киселевым передача земли в пользование общинам по убеждению консерваторов может привести к отчуждению дворянских недвижимых имений и даже к зависимости помещиков от крестьянских обществ. Такие отношения, считали они, могут иметь самые губительные последствия для государства. Не от отдельных обывателей опасаться должно неповиновения, но от общин, которым дается политическое бытие. Сплоченные материальным интересом общинного владения землей, крестьяне обретут способность и силу неповиновения и сопротивления законным собственникам земли — помещикам. «Для упрочения власти правительства и общественного спокойствия не соединять, а разобщать должно силы материальные: *diride et impera*», — резюмирует Соловьев позицию консерваторов²¹⁸.

Дальнейшие усилия правительства были направлены на устройство *государственных крестьян*. Разработка этого проекта была поручена Киселеву. Для рассмотрения его проекта был создан *второй секретный комитет*. Киселев разработал модель *обязанных крестьян*. Он исходил из

того, что система фермерского хозяйства на основе аренды, сложившаяся в Англии, Ирландии и у нас в северо-западном, Остзейском крае вследствие освобождения крестьян без земли, неприемлема для центральных районов России, так как создаст огромный класс безработных и бездомных. Сложившаяся же во Франции, Швейцарии, Пруссии поземельная система, основанная на вотчинном праве крестьян на землю, возникла вследствие революционного переворота и потому тем более неприемлема для России. Взамен Киселев предлагал «среднюю линию» — *обязанных крестьян*, предполагающую право пользования крестьянских общин государственной землею за обязанность несения определенной службы и выплаты налогов в пользу государства.

Реформа Киселева затронула интересы только «казенных крестьян», т.е. крестьян, являющихся собственностью государства, но лично свободных, положение которых и без того было более благополучным, чем положение помещичьих крестьян. Реформа лишь незначительно улучшила их положение: она реорганизовала систему управления, подчинив его непосредственно Министерству государственных имуществ и введя некоторые основы самоуправления волостных общин. Тем самым возрастала роль бюрократического аппарата на министерском и губернском уровнях и соответственно падала роль помещиков. И все же учитывая, что государственных крестьян было около 20 млн., т.е. приблизительно столько же, сколько крепостных (25 млн.), а также сам факт реформы, следует признать, что *начало крестьянской реформе* было положено. И хотя отношение к ней «общества», т.е. тех же помещиков, было в основном резко отрицательное (согласно общественному мнению Киселев был зачислен в «красные»), но даже оно вынуждено было привыкать к самой идее необходимости дальнейших реформ. Несмотря на свою ограниченность этот указ, как замечает Соловьев, «важен был в том отношении, что

правительство с этого времени как бы признало невозможным безземельное освобождение крестьян, тогда как все предыдущие акты правительства признавали его единственно возможным»²¹⁹.

Вслед за этим были созданы еще четыре секретных комитета, на которых обсуждались частные вопросы «улучшения быта» помещичьих крестьян. На них обозначилась жесткая позиция консерваторов в отношении к крестьянскому вопросу, состоявшая в том, что ни с землей, ни без земли освобождение крестьян невозможно, что есть единственный путь — улучшения быта крепостных крестьян и постепенное ограничение крепостной зависимости. Тем самым еще раз была в категорической форме подтверждена «законность» крепостного права. Казалось, что после этого всякая мысль о скором освобождении крестьян была оставлена.

Европейские революции 48 г. усилили позиции крепостников и реакционно-консервативную политику власти. На время крестьянский вопрос удалось загнать вглубь, что подрывало стабильность системы изнутри. Но как бы ни велико было стремление консервативных сил спустить этот вопрос на тормозах, он все более становится предметом общественного мнения и публичного обсуждения, хотя и в завуалированной форме. Этому способствовал дух времени: распространение просвещения, путешествия русской либерально настроенной молодежи за границу, в том числе ее стажировка в европейских, в первую очередь германских, университетах. Этому же, но с другой стороны, способствовали и судорожные меры, предпринимаемые правительством в целях избежать больших потрясений. Общее число указов по крестьянскому вопросу за период царствования Николая I превышает 100. И хотя все они носили регулятивный характер и не затрагивали кардинальных проблем — права

собственности на землю и личность самого крепостного, — они подрывали понятие неприкосновенности крепостного права.

Новому возбуждению крестьянского вопроса способствовали, с одной стороны, напряжение всех сил нации в Крымской войне и позорное поражение в ней России, с другой — крестьянские волнения, инспирированные слухами о воле. «Правительство колебалось, в каждом данном случае, между желанием взять сторону крестьян и боязнью своими действиями возбудить их против помещиков. Помещики опасались и правительства, и крестьян. Словом, крепостное право начало расшатываться и с каждым днем становилось все более и более неудобным: и для крестьян, и для помещиков, и для правительства»²²⁰.

Поражение в Крымской войне русской армии, служившей оплотом и символом самодержавия на всем европейском континенте, списывалось одними на бездарность царствующего монарха, другими, более трезвыми, оценивалось как кризис системы в целом. И в первом, и во втором случае надежды связывались с приходом к власти наследника престола Александра II. В то время как крепостники тянули Россию назад, здравый смысл подсказывал, что спасти Россию можно только на пути либеральных реформ. Победа оказалась на стороне здравого смысла, признавшего необходимость либеральных реформ и в первую очередь освобождения крестьян от крепостной зависимости.

2.2. Проекты крестьянской реформы

Глашатаем начала реформы 1861 г. суждено было стать К.Д.Кавелину. Написанная им в 1855 г. «Записка об освобождении крестьян в России» ходила по рукам и имела большой публичный успех. Более того, хотя Каве-

лин не входил ни в какие властные структуры, его «Записка» сыграла определенную роль и в осознании необходимости крестьянской реформы высшим эшелонам власти. Этому способствовали его дружеские связи с видными правительственными сановниками — Н.А.Милютиным, Я.И.Ростовцевым, а также его известная близость ко двору.

Интерес к крестьянскому вопросу у самого Кавелина сформировался на основе двух источников: теоретического, как академического ученого западнической ориентации, и практического, как помещика, вынужденного после смерти матери принять управление имением в свои руки. Свою деятельность на этом последнем поприще он начал с составления проекта улучшения быта собственных крестьян. Позже совместно с Милютиным он составил проект освобождения крестьян для Вел. кн. Елены Павловны, покровительствовавшей реформе. На этой почве и родилась его «Записка об освобождении крестьян».

В «Записке» Кавелина общественность увидела своего рода готовый ответ на горячие вопросы, поставленные общественным состоянием страны и требующие незамедлительного решения. По определению историка Б.И.Сыромятникова «Ответ» Кавелина явился *итогом* его жизни и вместе с тем *синтезом* всей предшествующей работы в том же направлении русской общественной мысли, которая уже со времен Радищева вынашивала в себе аболюционистскую идею» (от лат. — *aboleo* — отмена, уничтожение. — Л.Н.)²²¹. И хотя «Записка» Кавелина не отличалась особой оригинальностью, ее сила, по определению того же историка, заключалась в том, что он мастерски, сжато, а главное *вовремя* сумел сформулировать те идеи, которые уже витали в общественном мнении. Общественность увидела в ней увязанность, или консенсус, как бы мы сказали теперь, «видов» правительства и интересов государства с выгодами дворянства и крестьянства.

«Многие убеждены, что Россия по своим естественным условиям — одна из самых богатых стран в мире, — так начинает свою «Записку» Кавелин, — а между тем едва ли можно найти другое государство, где бы благосостояние было на такой низкой ступени, где бы меньше было капиталов в обращении и бедность была так равномерно распределена между всеми классами народа»²²². Краеугольный камень общего социально-экономического кризиса он усматривает в крепостном праве, незамедлительная отмена которого и комплексное решение крестьянского вопроса в целом может изменить ситуацию в стране и вывести ее из глубочайшего кризиса «на путь общечеловеческого развития». Основной удар своей критики автор «Записки» направляет против крепостного права частных владельцев, доказывая крайнюю разорительность его и для помещиков, и для крестьян, и для общества в целом. Более того, крепостное право таит в себе скрытую опасность для государства, как бы повторяет он предупреждение Радищева. «Россия осуждена окаменеть» до тех пор, пока «крепостное право будет составлять основу нашей общественной и гражданской жизни, ибо это гордиев узел, к которому сходятся все наши общественные язвы»²²³.

Решительно высказываясь за полную отмену крепостного права, Кавелин настаивает на политике «открытых дверей» при обсуждении его проектов и условий его реализации. Но эта «открытость» имеет в виду «общество», т.е. в первую очередь само дворянство, что же касается крестьянской массы, то по отношению к ней помещик-реформатор рекомендует постепенно *«нечувствительным образом»* приуготовлять ее к предстоящим реформам во избежание излишних притязаний крестьян. Однако, несмотря на эти сословные страхи и предостережения в своей «Записке», Кавелин впервые публично высказался за полное освобождение крестьян с землей путем единовременного выкупа у помещиков всей земли,

которая находилась в пользовании крестьян. Более того, он решительно настаивает, что «правительство ни под каким видом не может согласиться на увольнение крепостных без земли»²²⁴. Отстаивая принцип освобождения крестьян с землей, ученый выражал сложившееся общественное мнение либеральных кругов, доводя его до сведения как правительственных сфер, так и «общества».

Однако по мере развертывания программы реформы усиливалось давление на ее инициаторов со стороны крепостников, которые подчас апеллировали к аргументам, используя лексикон либералов, ссылаясь на *законность* своего владения землей, которую никому не дозволено нарушать. Под давлением этих кругов Кавелин пошел на определенные уступки, допуская возможность освобождения крестьян по *добровольному согласию* между заинтересованными сторонами — землевладельцами и их крепостными — с землей или *без земли*, с тем, чтобы по возможности «не нарушать материальных интересов владельцев». Более того, исходя из «законных интересов владельцев», он склонялся даже к мысли выкупа не только надела, но и личной свободы наделных крепостных по существующим на местах ценам. Ориентация на землевладельцев объясняется не только давлением с их стороны, но отчасти и довольно распространенным убеждением, что именно владельческий, т.е. дворянский класс, как самый образованный, призван сыграть в России роль *среднего сословия*. Не без влияния славянофилов Кавелин верил, что основанием здания гражданского общества новой России должны стать самодержавный царь, дворянство как среднее сословие, поставленное на страже всенародной пользы, и «мужик» с его верой в «русского царя».

Колебания Кавелина коснулись и тактики проведения реформ. Первоначально он был сторонником быстрого и единовременного осуществления реформ. Так в письме к Герцену он убеждал своего адресата и, по-ви-

димому, самого себя, что реформа должна быть осуществлена сразу: «Вдруг! именно вдруг — должна быть совершена реформа. Этого требуют обстоятельства, а главным образом такая реформа самая разумная и самая правильная»²²⁵. Однако в 6 разделе Записки он уже ставит под сомнение вопрос, «благоразумно ли начать вдруг, разом, выкуп крепостных на всем пространстве государства?» и высказывается за постепенное в виде «опыта» освобождение крестьян²²⁶.

В своей речи, посвященной двадцатилетнему юбилею реформы разочарованный Кавелин сетовал: «Кто из нас не верил горячо, что отмена крепостного ига даст нашему крестьянству материальное довольство, вызовет экономическое процветание, подъем народных сил, сознания личности и прав, разовьет просвещение и нравственность, словом — принесет с собою все блага гражданской свободы. Сближение и тесное единение двух слоев русского народа, разоренных рабством, разве не должно было быть необходимым строго-логическим последствием его прекращения? А что вышло на самом деле? Едва успели Положения 19 февраля 1861 года стать законом, как дух их отлетел, и осталась одна буква; но и самая буква их, где только было возможно, объяснялась в ущерб, а не в пользу миллионов новых русских граждан; административная практика не стеснялась и буквой, чтобы помешать им воспользоваться их законными правами»²²⁷. Оценка Кавелина была не совсем адекватной реальности, просто ученый-романтик не хотел считаться с тем, что реальность всегда прозаична. Его колебания, послужившие основанием разрыва с Герценом, свидетельствуют лишь об обостренной социальной ситуации, в которой протекала подготовка, а позднее и реализация крестьянской реформы. Более того, они являются свидетельством вообще трудности осуществления *любых радикальных реформ*, которые пишутся отнюдь не на «чистом листе бумаги», а в условиях инерционного сопротивления

реформируемых институтов и отношений и активного противодействия заинтересованных в сохранении старого режима сил. С учетом этих обстоятельств и следует оценивать результаты реформ и роль в их подготовке и реализации конкретных деятелей. Именно с этих позиций оценивает роль Кавелина в подготовке крестьянской реформы автор аналитического очерка, посвященного его деятельности, Б.И. Сыромятников. «И каковы бы ни были ошибки и увлечения Кавелина в «святом деле» 19-го февраля, бескорыстный подвиг его жизни навсегда будет вписан яркими буквами в летописи освободительной эпохи»²²⁸.

Близкую позицию в крестьянском вопросе занял и Б.Н. Чичерин. Во 2-ой книжке «Голосов из России» была опубликована его статья «О крепостном состоянии», в которой он обращает внимание на роль государства, подчеркивая, что оно, будучи органом общества в целом, призвано корректировать исторический процесс, устраняя искусственные препятствия на пути его прогрессивного развития. Осознав это, Екатерина Великая освободила от крепости дворянство и купечество. Ныне со всей остротой, считал теоретик либерализма, встал вопрос об освобождении крестьян, ибо крепостная зависимость не только противоречит естественным правам человека, но уродует, деформирует весь общественный строй снизу доверху²²⁹. Так же, как и Кавелин, Чичерин ратовал за выход России на общечеловеческий путь общественного развития.

В этом же издании в статье «Современные задачи русской жизни» Чичерин, отталкиваясь от своего понимания либерализма, впервые поставил вопрос о том, что эмансипация крестьян является лишь прологом развернутой программы либерального преобразования общества в целом. Отмечая, что слово «либерализм» стало расхожим понятием, он задает риторический вопрос, что должно разуметь под словом «либерализм»? «Свобода — слово

неопределенное. Она может быть и безграничная, и ограниченная, и если безграничной свободы допустить нельзя, то в чем же должна состоять свобода ограниченная? Одним словом, какие меры должно принять либеральное правительство и чего должна желать либеральная партия в обществе?»²³⁰. Среди главных начал, которые вытекают из понятия о либерализме, философ-правовед выделяет ряд первостепенных свобод, «необходимых для благоденствия России». Среди них: «свобода совести», как первое и священнейшее право гражданина; «свобода от крепостного состояния, одно из величайших зол, которым страдает ныне Россия»; «свобода общественного мнения»; «свобода преподавания и книгопечатания»; «публичность всех правительственных действий»; «публичность и гласность судопроизводства»²³¹.

2.3. Роль власти в осуществлении реформ. Власть и общественность²³²

И все же решающая роль в осуществлении либеральных реформ принадлежала, как это и предвидел Чичерин, императорской власти Александра II и либеральной части его бюрократического аппарата. Менее чем через 6 лет после вступления на трон Александр II подписал Манифест об освобождении крестьян, чем, по выражению Чичерина, «совершил величайшее дело русской истории»²³³. И хотя Александр, по замечанию другого историка либеральной ориентации — А.А.Кизеветтера, не был творцом самой идеи уничтожения крепостного права, но именно «ему принадлежала решимость признать *бесповоротную неотложность* этой столь давно уже назревшей реформы»²³⁴. Он сумел собрать и вдохновить команду соратников-единомышленников из крупных политических деятелей правительственного аппарата, таких, как Я.И.Ростовцев, С.С.Ланской, Н.А.Милютин,

Я.А.Соловьев и др. Ему же принадлежит осуществление непрерывного общего контроля, благодаря чему реформа не была спущена на тормозах ее противниками. Наконец, заслуга Александра состояла и в том, что он, начав, как было задумано, с крестьянской реформы, понял необходимость осуществления широкой *социальной программы либеральных реформ* и других сфер, придав тем самым им системный характер.

В деятельности царя-освободителя просматривается любопытный исторический парадокс, не оставшийся незамеченным современниками. Прежде всего, отношение к самой личности и деятельности Александра оставалось весьма противоречивым, если не сказать парадоксальным, что отчасти обусловлено характером самого императора. Тот же Кизеветтер отмечает, что, будучи наследником престола, он не раз выражал свою нерасположенность к реформам, что порождало двусмысленность в отношении к нему при воцарении на престол: крепостники ждали от него «восстановления порядка», либералы связывали с молодым царем свои надежды на осуществление реформ. Однако независимо от слабости своего характера и несмотря на жесткое давление на него со стороны помещиков-крепостников и реакционного ядра бюрократического аппарата, с одной стороны, и террора, развязанного против него левыми экстремистскими силами, — с другой, император Александр выбрал единственно правильный путь — путь либеральных реформ. В этом современники усматривали кто «перст таинственной судьбы», кто предначертания «великого русского Бога», а кто, под влиянием А. Смита, «незримую руку» истории. Любопытно, что и Чичерин, видевший в Александре вполне ординарную натуру, замечает, что «он мог служить примером того, что Провидение для совершения величайших дел употребляет иногда весьма обыкно-

венные орудия. Когда вопрос созрел в общественном сознании, для решения его не нужно гения; достаточно человека благонамеренного и здравомыслящего»²³⁵.

Александр, возможно, после некоторых колебаний, придал крестьянскому вопросу *гласность*, открыто заявив на встрече с представителями дворянства 30 марта 1856 г., что лучше начать уничтожение крепостного права сверху, нежели дожидаться, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу. В развитие этой идеи в записке Министерства внутренних дел от 7 апреля 1856 г. хотя и оговаривалось бесспорное право помещиков на землю, но далее замечалось, что освобождение крестьян на основе этого права ведет к превращению миллионов людей в бесприютных бродяг, париев, что чревато социальными катаклизмами. «Правительство обязано пещись об общем спокойствии и противиться тому, что может нарушить оное, обратив миллионы людей в бесприютных бродяг»²³⁶. Таким образом, и в данном случае вопрос получил двойственное толкование: *право собственности помещика на землю и личность крепостного бесспорно*, но в то же время *крепостные должны быть освобождены с землей*.

При любом подходе освобождение крестьян лишало помещичье хозяйство основного орудия производства и грозило разорением хозяйства. В целях решения этой двойственной проблемы были выдвинуты две идеи: идея *усадебной оседлости* и *временной обязанности*. Первая предполагала наделение крестьян усадебной землей (дом, подворье, огороды, конопляник), которая привязывала бы крестьянина к месту и понуждала идти в наем (за аренду пашни) к тому же помещику. В уплату за усадьбу крестьяне на 10—15 лет переводятся в статус «*временно обязанных*», хотя и объявляются лично свободными, «дабы потом окончательно освободиться». На переходный период в пользовании крестьян оставалась часть пахотной земли за оброк или за барщину. Усадебная оседлость имела

обязательный характер, тогда как право пользования землей должно быть основано на добровольном договоре землевладельца и земледельца.

Одной из идей, подсказанных Александру Н.А.Милутиным, была идея привлечения дворянства к разработке проекта реформы, чтобы тем самым, с одной стороны, преодолеть его оппозиционность, а с другой — связать инициативу наиболее здравомыслящих его слоев. Эта идея была воспринята и позволила сдвинуть дело с мертвой точки.

Поворотным моментом в развитии крестьянской реформы стал рескрипт *20 ноября 1857 г.* на имя губернатора северо-западных губерний В.И.Назимова. В нем в ответ на высказанную готовность остзейских помещиков начать освобождение крестьян (но без земли) поддерживалась их инициатива, но настаивалось на необходимости земельного обеспечения освобождаемых крестьян. Предписывалось также открыть губернские комитеты для подготовки проектов крестьянской реформы с учетом местных особенностей. Данный рескрипт по инициативе Ланского был разослан по всем губерниям. И хотя условия освобождения крестьян в нем были прописаны весьма неопределенно, именно им дело крестьянской реформы было предано *гласности* и *предписано к исполнению*. С этого момента подготовка и принятие крестьянской реформы приобрела необратимый характер.

Вместо секретного комитета, только тормозившего дело, был образован «Главный комитет по крестьянскому делу для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии». Под нажимом авторитета императора повсеместно стали открываться губернские комитеты по подготовке проектов реформы. Таким образом, дворянство через свои губернские собрания было вовлечено властями в обсуждение предположений по крестьянской реформе «исходя из местных условий», но на основе положений, сформулированных в рескрипте.

В результате появилась целая серия записок, проектов, для обобщения которых в 1859 г. были образованы Редакционные комиссии под руководством пользовавшегося личным доверием императора Я.И.Ростовцева, который сумел сформировать команду единомышленников — либерально настроенных сторонников реформы. В лице Я.И.Ростовцева как бы скрестились два века, два стиля мышления: ушедшего в прошлое в декабре 1825 г. романтического века «просвещенного абсолютизма» и века прагматического решения кричащих социальных противоречий. По определению одного из участников и разработчиков крестьянской реформы, Ф.П.Еленева, у Ростовцева появилась весьма драгоценная во всяком государственном человеке черта: он «думал *об Истории*, верил в ее верховный суд, *мечтал* о почетной для себя странице на ее свитках»²³⁷.

Однако его беда, а вместе с ним и всей России, состояла в том, что при всем своем искреннем желании послужить Отечеству и оставить след в Истории, он был не подготовлен к решению столь важной государственной задачи. Не имея даже личного опыта хозяйственной деятельности (он не имел поместий) Ростовцев пребывал некоторое время в растерянности, но в отличие от своих коллег оказался способным к обучению. При комиссиях по поручению Ростовцева была собрана обширная библиотека по вопросу на русском и иностранных языках. Однажды на заседании комиссии он сообщил, что из III Отделения будет присылаться экземпляр «Колокола» и обратился к присутствующим: «Я буду вас просить, чтобы вы и из «Колокола» заимствовали и приняли в соображение все, что только может быть полезно и применимо к исправлению наших трудов и усовершенствования проекта положений». В ответ на недоуменный вопрос одного из членов комиссии «Как, неужели заимствовать у Герцена?», он отпарировал: «Что нам за дело до личностей! Кто бы ни сказал полезное, мы должны вос-

пользоваться»²³⁸. Ростовцеву не пришлось завершить начатое дело. Он умер за год до провозглашения реформы. Последние его слова, сказанные Александру, были: «Государь! Не бойтесь».

Значение возглавляемых Ростовцевым Редакционных комиссий состояло в том, что это была новая форма общения правительства с общественностью. Основная полемика Редакционных комиссий с крепостниками в центре и с мест развернулась по вопросу об освобождении крестьян *с земель или без земли*. Последние настаивали на исключительном праве собственности на землю с прикрепленными к ней крестьянами в соответствии с Манифестом о вольности дворянской 1762 г. и Жалованной грамоты дворянству 1785 г. Они обвиняли «либералов» в том, что они нарушают исконные права дворянства. Как разъяснял Ростовцев, с точки зрения гражданского права вся реформа с начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушение права частной собственности, но как необходимость государственная и на основании государственного права эта же реформа законна, священна и необходима. И с этим ни консерваторы, ни либералы, отстаивающие примат права перед политикой, не могли не считаться. Вместе с тем, согласно обычному праву крестьянин прикреплен к земле, т.е. земля находится в его *пользовании* и отнять у него землю — значит лишить его средств к существованию, нарушить естественные права человека. Отсюда и вытекала идея выкупа крестьянами земли при поддержке государства.

Мозговым центром Редакционных комиссий стал Николай Александрович Милютин, у которого не стеснялись учиться ни министр внутренних дел Ланской, ни председатель комиссий Ростовцев. Милютин был убежденным сторонником «реформ сверху». Поэтому его не увлекали «игры» конституционалистов, а претензии дворянских комитетов на особую роль в осуществлении реформ вызывали лишь раздражение, за что его ославили

как ярого противника общественной самодеятельности. На самом деле он, как отмечает Кизеветтер, был решительно против отождествления *общества с дворянством*, против исключительного права дворянства говорить от имени общества. Вместе с тем он прекрасно понимал, что *осуществление реформ предъявляет высокие требования как к власти, так и к населению, предполагая их сотрудничество*. Эта его позиция явно обозначилась при первоначальной подготовке земской реформы. Не вина Милютина, что он был отстранен от участия в проведении земской реформы, и разработка ее была поручена консерваторам. Однако несомненен его вклад в разработку крестьянской реформы. Его заслуга в том, что она не стала хуже, чем могла бы быть. В потоке губернских проектов реформ, составленных, как правило, в сословно-охранительном духе, он умел отбирать и доводить до логического завершения наиболее ценные идеи и предложения.

Основная полемика развернулась и по вопросу материального обеспечения крестьян. Редакционная комиссия во главе с Ростовцевым исходила из стремления сохранить в основном существующую систему землепользования. Ее нарушение в ту или другую сторону могло вызвать жесточайший экономический кризис. Это означало сохранение в той или иной форме за крестьянами тех наделов, какими они пользовались при крепостном праве. Однако этому воспротивились помещики, особенно черноземных губерний, где земля была дорога, а труд земледельца дешев. Идя на компромисс, комиссия выработала нормы высших и низших наделов применительно к каждой местности. Наделы, превышающие эти пределы, могли быть урезаны. Напротив, наделы, не достигающие низшей нормы, должны быть расширены за счет помещичьей земли. Нормы, предложенные Редакционной комиссией, намного, почти вдвое превышали нормы, предлагаемые губернскими комитетами, что, как предполагалось, позволит сохранить стабильность в обществе.

К концу 1859 г. Редакционная комиссия закончила предварительную подготовку общих положений реформы. К этому времени в Петербург были приглашены депутаты от губернских комитетов для обсуждения местных условий, как было подчеркнуто властями, опасавшимися оппозиции дворянства. Среди множества деятелей на этой стезе, в основном защищавших сословные интересы, своим ясным последовательно либеральным подходом к решению проблемы выделялся предводитель тверского дворянства, возглавивший губернский комитет по подготовке реформы А.М.Унковский. Избранный предводителем дворянства Тверской губернии он в качестве должностного лица подключился к выработке предложений по крестьянскому вопросу, заняв последовательно либеральную позицию, сумел склонить к ней большинство гласных.

А.М.Унковский был первым, обратившим внимание на роковые противоречия основ рескрипта, которые во многом предопределяли дальнейшую судьбу крестьянской реформы²³⁹. Основное противоречие рескрипта он усмотрел в придуманном (по-видимому, крепостниками) понятии «усадебная оседлость». *Обязательный для крестьянина выкуп* усадьбы (дом+двор) привязывал его к месту, не обеспечивая земель, необходимой для существования. Тем самым крестьянин попадал в полную зависимость от землевладельца, который мог навязать ему либо новый вид барщины, либо аренду необходимой земли за произвольную цену, так как искусственно привязанный к усадьбе крестьянин не мог уйти на поиски лучшей доли. Мало того, власть помещика над крестьянином закреплялась переданной в его руки функции вотчинной полиции. Таким образом, если следовать букве и духу рескрипта, крестьянин, «освобожденный» от крепостной зависимости, которая все же включала и некоторые обязательства помещика по отношению к нему, оказался бы перед лицом полного произвола. «Объявить народ свободным, оставив его почти в той же неволе и не улучшая

его быта, по нашему мнению, хуже, нежели оставить его в крепостной зависимости», — смело заключает он по поводу высочайшего царского рескрипта²⁴⁰.

Унковский не только раскрыл основные противоречия рескрипта, но и сумел найти выход из скрытой в нем «ловушки». Он считал недопустимым освобождение крестьян без земли и в соответствии с этим дал расширительное толкование «усадебной оседлости»: усадьба является центром надела, включающего пашню, выгон, покосы и т.п. Тем самым он вплотную подошел к идее хуторского хозяйства, реализовать которую позднее попытается П.А.Столыпин. Выкуп «усадьбы-надела» единовременный и *обязательный* для помещика при контроле и поддержке государства, согласно мнению Унковского, позволит полностью развязать узел крепостнических отношений, освободив крестьянина от крепостной зависимости передачей ему земли в полную собственность. В свою очередь денежная компенсация помещику за утрату части собственности на землю и привязанную к ней рабочую силу вчерашнего крепостного позволит ему перевести свое хозяйство на новые — *капиталистические* — начала.

В своей программе Унковский исходил из основополагающей идеи либерализма о свободе личности, основанием и материальным обеспечением которой является частная собственность. Это важно подчеркнуть, потому что в марксистской социальной доктрине либералам инкриминировалось своекорыстие в признании неизбежности помещичьей собственности и продиктованного этим выкупа крестьянского надела. Но, заметим здесь, во-первых, положение о вознаграждении помещика за отчуждаемую от него в пользу крестьянина надельную землю не оспаривалось в то время никем, в том числе и Герценом в его проекте освобождения крестьян, весьма близким по своему содержанию к проекту Унковского²⁴¹. И во-вторых, принцип неизбежности помещичьей собственности соответствовал правовому статусу тогдашнего

общества. Она была закреплена за помещиками Жалованной грамотой дворянству и признана обычным правом. С другой стороны, согласно обычному же праву крестьянин прикреплен к земле, т.е. земля находится в его *пользовании* и отнять у него землю — значит лишить его средств к существованию, нарушить естественные права человека. Отсюда и вытекала идея выкупа, обязательная для помещика. С либеральных позиций Унковский критиковал и предположения по административному устройству крестьян, так как оно сохраняло сословный принцип, ибо волости предполагалось создавать из одних крестьян.

Позднее, когда редакционные комиссии подготовили сводные проекты закона, Унковский еще раз выступил с их критическим анализом в «Соображениях по докладам Редакционных комиссий», напечатанных Герценом в последней 9-ой книжке «Голосов из России». Здесь он подчеркивал, что крестьянский вопрос как ключевой в серии преобразований гражданского общества невозможно решить, пока сохраняется современная система управления, основанная на крепостном праве и пронизанная снизу доверху произволом, «Система управления, или лучше сказать злоупотребления властью, — по словам Унковского, — так сильна и последовательна, что она покрывает собою всю Россию, не оставляя ни одного живого места для разумно свободной жизни. При этой системе нигде нет права и господствует один низкий, необузданный произвол, уважающий только деньги и общественное положение. При ней если и встречаются на службе благородные личности, то они ничего не могут сделать. При хорошем и дурном начальнике губернии идет за ничтожным изъятием один и тот же порядок /.../. Дело в самой системе управления, — заключает он, — а не в ее применениях»²⁴².

2.4. Манифест 19 февраля 1861 г. Его социально-политическое значение

Смерть Ростовцева, служившего своеобразной преградой между консерваторами и императором, нанесло существенный урон делу либерального завершения реформы. Это проявилось в первый же момент, когда вместо него на пост председателя Редакционных комиссий был назначен престарелый гр. Панин, типичнейший представитель консерватизма николаевских времен, законник-буквоед. Это назначение символизировало подмеченный Герценом очередной «зигзаг» в политике императора «слева-направо». На фоне развернувшихся придворных интриг и страстей, кипевших в губернских дворянских собраниях, по свидетельству современников, только народ сохранял великую выдержку и терпение. «Эта стихийно-грозная и внушительная, несмотря на безмолвие, всенародная демонстрация, — при всей кажущейся безобидности и бессилии дававшая понять, кому нужно, что отныне с крестьянским вопросом шутить нельзя и во что бы то ни стало нужно решить в народном духе, т.е. не иначе как с земельным наделом, — имела огромное влияние на исход дела», — пишет либерально настроенный исследователь проблемы Г.Джаншиев²⁴³. Ту же мысль разделяет и М.Е.Салтыков-Щедрин: «Вникните в смысл этой реформы, в историю ее утверждения, — обращался он к современникам, — и вы убедитесь: во 1-х, что, несмотря на всю забитость и безвестность, *одна только* эта сила (народа) и произвела эту реформу, и во 2-х, что, несмотря на неблагоприятные условия, она наложила на реформу неизгладимое клеймо свое, успела найти себе поборников даже в сфере ей чуждой»²⁴⁴.

Ожидание реформы слишком затянулось — напряжение достигло критической точки, и это почувствовал Александр, повелевший закончить подготовку реформы и сопровождающий ее манифест к началу года. Редакции

онные комиссии закончили свою работу и были закрыты 10 октября 1860 года. Все дела по завершению и осуществлению реформы перешли к Главному комитету. 5 февраля 1861 был составлен проект Манифеста, к этому же времени были подготовлены «Основные положения закона». 19 февраля 1861 года в шестую годовщину своего восшествия на престол Александр II подписал Манифест. Но история крестьянской реформы на этом не закончилась. *Страх*, охвативший императора и придворную клику, породил абсурдистскую ситуацию: вместе с секретной публикацией Манифеста, который должен был возвестить «светлый праздник» русского народа, власти поставили на ноги всю полицию, придав ей войска и на всякий случай заготовили на съезжих дворах больших городов розги. О сроках объявления свободы была специально запущена дезинформация. Академик и цензор А.В.Никитенко в своем дневнике под 18 февраля записал: «Умы в сильном напряжении по случаю крестьянского дела. Все ожидали Манифеста о свободе 19 числа. Потом начали ходить слухи, что он на время отлагается. В народе возбудилась мысль, что его обманывают»²⁴⁵.

Обнародование Манифеста произошло 5 марта в Православный праздник прощенного воскресенья. Либеральные круги столичной интеллигенции из опасения обмануться в своих ожиданиях восприняли провозглашение Манифеста как светлый праздник. Даже Герцен сетовал на то, что в этот торжественный день не может быть в России с народом. Народ же «безмолвствовал»: во-первых, сказалось слишком затянувшееся ожидание и, во-вторых, Манифест был написан таким квазидюрократическим языком, что ни понять смысла, ни просто почувствовать радости по случаю освобождения простому человеку было невозможно. В недоумении находилась и пресса. По выражению И.С.Аксакова, слышно было одно лишь молчание на всех языках.

Но ошеломление первых дней освобождения прошло. Наступали будни. Всем слоям общества надлежало разобраться, *к чему же оно пришло и что делать* дальше? Одними из первых отреагировали на Манифест крепостники, добившись отставки основных разработчиков реформы — Милютина и Ланского. Однако повернуть историю вспять было уже невозможно. Как бы ни оценивать Манифест 1861 г. — это была *крестьянская реформа*.

Манифестом 19 февраля 1861 г. провозглашалась *отмена крепостного права навсегда*. Вчерашние крепостные уравнивались в своих правах, как личных, так и имущественных, со свободными сельскими обывателями. С этих же принципов начинался основной юридический документ «Общие положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»²⁴⁶. Так в ст. 1 провозглашалось: «Крепостное право на крестьян и на дворовых людей отменяется навсегда». Ст. 2 определяла гражданский статус вчерашних крепостных: «...вышедшим из крепостной зависимости предоставляются права, состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу». Однако уже в ст. 3. утверждалась *собственность помещиков на все принадлежащие им земли*. Правда, в этой же статье оговаривалась обязанность помещиков предоставить за *установленные повинности в постоянное пользование* крестьян их усадебную оседлость (дом, двор, огороды, гумно, конопляники) и сверх того земельный надел, необходимый «для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством (выплата подушной подати и др. налогов) и помещиками». Причем усадебную оседлость крестьянин имел право выкупить по цене, установленной законом, и помещик *обязан был* принять выкуп (ст. 11), зато выкуп полевого надела зависел всецело *от согласия* помещика и только в этом случае становился правомочным. За отведенный надел, размеры которого оговариваются Местными положениями, крестьяне обязаны отбывать в пользу

помещиков повинности работой (та же барщина) или в денежной форме (ст. 4.). Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных отношениях к помещикам, получили наименование *временно обязанных* крестьян (ст. 15). С выкупом крестьянином усадебной оседлости и земельного надела в собственность прекращаются все обязательные поземельные отношения между помещиком и крестьянином (ст. 12). Поскольку крестьянин, за редким исключением, не мог сразу выплатить всю сумму, выплату в долг брало на себя правительство, выдавая помещику процентные бумаги с погашением долга крестьянином в рассрочку на 49 лет (так называемая выкупная операция). Помещик мог предупредить выкуп надела, предоставив крестьянину надел даром, но в значительно меньшем, чем предусмотрено законом, размере. Тем самым он вознаграждал себя тем, что оставлял за собой значительную часть земли, что было особенно существенно для плодородных земель. Крестьяне иногда обольщались на «дармовой» надел, но эта выгода была временной: она не покрывала расходов на воспроизводство семьи. Дворяне тоже получали свободу, но без земли, так как они ею не пользовались и ранее. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости и приобретшие в собственность земельные угодья, составляют по делам хозяйственным *сельские общества*, а для административного управления и суда соединяются в волости (ст. 17). Однако до прекращения обязательных отношений крестьян с помещиками сохраняется право вотчины полиции (ст. 18). Хотя приоритет в «Общих положениях» отдается «сельскому обществу», общине, однако за каждым крестьянином сохранялось право выхода из нее. Существенной для понимания перемен, произошедших в положении крестьян, является ст. 33, которая гласит: «Каждый крестьянин может приобретать в собственность недвижимые и движимые имущества, а также отчуждать оные, отдавать их в залог и вообще

распоряжаться ими с соблюдением общих узаконений, установленных на сей предмет для свободных сельских обывателей». Ст. 36 идет еще дальше в этом направлении. В ней утверждается, что «каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долей его участия в приобретении сей земли». Правда, в данном случае речь идет не об отчужденной у помещиков надельной земле, которая в течение 9 лет не может быть продана или заложена, а о приобретенной общиной земле. Однако в ст. 159 дается разъяснение, что по окончании выкупа надельной земли она также должна рассматриваться как частная собственность по общим нормам Российского гражданского права. В этих статьях В.В.Леонтович усматривает *экономическое основание свободы* вчерашних крепостных, ибо без экономического основания, все благие пожелания реформы оказываются фикцией²⁴⁷. И не случайно именно против них ополчилась реакция царствования Александра III целой серией контрреформ, которые надолго затормозили развитие гражданского общества в России.

Таким образом, несмотря на целый ряд оговорок в пользу помещиков — это была все же *крестьянская реформа*. Крестьянин обретал права свободного человека, он не мог быть подвергнут наказанию иначе, как по суду (ст. 25). Он не мог быть лишен прав состояния или ограничен в этих правах иначе, как по суду или приговору общества (ст. 30). И сам крестьянин уравнивался в своих правах с другими податными сословиями. Серьезные нарекания со стороны либералов вызвало решение материальной стороны крестьянского вопроса, в частности нормы наделов, повлекшие за собой практику отрезки в пользу помещика части надела, ранее бывшего в пользовании крестьян, обременительность выкупных платежей, затяжной характер завершения реформы и т.п. «Но в право-

вом отношении, — подчеркивает А.А.Корнилов, — крестьянская реформа была, без сомнения, колоссальным шагом вперед во всей новейшей русской истории. Упразднив крепостное право над личностью крестьянина, он открыла широкий путь к полному освобождению народа»²⁴⁸.

«Совершилось действительно великое дело, — свидетельствует в частном письме современник и участник реформы И.С.Аксаков, — крепостного права уже не существует, оно вычеркнуто из законодательства и из жизни. Только теперь возможны реформы и движение вперед самого народа, и он двинулся, тронулся, как вешний лед. Через полгода вы его не узнаете. Как *они* ни недовольны *положением*, но выберут из него, поверьте, все, что послужит к их выгоде; и проникнутся сознанием своих прав. Во всяком случае, мне сдается, что народ проснулся и инстинктивно чувствует, что он призывается к действию, что его черед наступает, и спешит вооружиться, запасается деньгами и грамотой»²⁴⁹.

Крестьянская реформа меняла или требовала смены всех форм общественной жизни и не только крестьян, но всего общества, ибо крепостное право обуславливало все стороны общественной жизни, оно было ее телом, скованным цепями, тормозившими развитие общества. По справедливому замечанию акад. В.П. Безобразова, важно было не то, что над 20-ю миллионами душ тяготело крепостное право, важно было его общее растлевающее значение *для всего населения*. Пока существовал указанный произвол одного лица всего только над 20-ю душами, не могло быть и речи о водворении *права* в России²⁵⁰.

2.5. Общая диалектика развития реформ

Анализ крестьянской реформы представляет не только научно-исторический, но глубокий социально-философский интерес. Во-первых, как бы мы ни оценивали ее

результаты, могла ли она быть лучше, или хуже, несомненно одно, что она знаменовала, пусть трудный и противоречивый, *переход от сословного к гражданскому обществу*. Одно это позволяет оценить ее как *социальную революцию*, осуществленную «сверху». Во-вторых, крестьянская реформа затрагивала самые существенные, жизненно важные интересы *всех сословий*, а потому она протекала в условиях острой социально-политической борьбы от консервативных плантаторов до радикальных революционеров, действующих «во имя народа» и потому особенно безрассудно опрометчиво. Либеральное направление в этом противостоянии испытывало на себе сильное давление как справа, так и слева, но полно было решимости довести реформу до логического конца и в силу этого вынуждено было идти на компромиссы. К тому же, как во всякой реформе, конец ее не мог быть определен заранее. Однако в этом противостоянии заинтересованных сил непосредственно *не было представлено основное лицо — крестьянин*, или как его позже назовет Т.Шанин «Великий немой». Даже радикальные революционеры, клявшиеся его именем, стремясь облагодетельствовать его, сделали все, чтобы сорвать реформы. В-третьих, можно, конечно, говорить об односторонности реформы ее *незавершенности*, но вот уже прошло 140 лет со дня обнародования Манифеста, прошло три революции «снизу» и одна «перестройка», или как ее можно охарактеризовать «революция сверху», и ныне мы стоим в преддверии каких-то новых контрреформ, а *крестьянский вопрос*, то есть *вопрос о земле* как средстве производства и самого существования земледельцев, *остается до сих пор нерешенным*. В-четвертых, как показал опыт *Великих реформ* 60—70-х годов социальная революция, основанная на смене собственности и радикальном изменении социальной структуры общества, предполагает ее политическое завершение и закрепление, или что на тогдашнем языке обозначалось как «завершение здания».

Александр-реформатор, взявший на себя ответственность за осуществление реформ, понимал это вопреки сомнениям Александра-самодержца. И все же логика здравого смысла победила в нем. Но импровизация истории судила иначе.

Социально-философская реконструкция крестьянской и других связанных с нею реформ, как самых радикальных в истории России, позволяет построить прогностическую модель реформ, осуществляемых сверху и тем самым выявить общую логику их реализации.

Проведению реформ предшествует более или менее длительный период их *ожидания*. В России ожидание крестьянской реформы началось с Манифеста о вольности дворянской 1762 г. Освобождение дворян от обязательной царевой службы, казалось бы, должно освободить и крестьян от необходимости их «кормления», чем, собственно, было вызвано крепостное право. О том, что такое ожидание имело место, свидетельствуют прокламации Пугачева. Новое напряжение ожиданий было обусловлено национальным подъемом в связи с окончанием Отечественной войны 1812 г., в которой огромную роль сыграли крестьяне, особенно тех губерний, через которые прокатилась наполеоновская армия. Однако в ответ на свои ожидания крестьяне слышали из уст просвещенного монарха сакраментальную фразу: «Крестьяне — верный наш народ, да получают мзду от Бога». «Общество» же в пылу торжеств забыло о своих оставшихся в рабстве вчерашних братьях по оружию. Только декабристы попытались напомнить правительству о существовании данной проблемы, но и у них она отошла на второй план перед политическими требованиями. Только *позор поражения* в Крымской войне переполнил чашу терпения *всего общества* и перевел ожидание в *предчувствие неизбежности перемен*.

Вторым моментом, предшествующим и подготавливающим неизбежность реформ, является *общенациональный кризис*, вызванный накоплением внутренних противоречий, но, как правило, спровоцированный внешними

обстоятельствами. Так причины кризиса накапливались с начала 50-х годов царствования Николая I, решительные реакционные меры которого только загоняли его вглубь, начало же войны лишь дало отсрочку. Поражение в войне породило волну национального негодования. Разрядка неоправданных ожиданий порождает социальную анархию неорганизованных действий различных социальных групп. Одной из форм ее проявления на Руси были бунты. На этот раз национальное негодование было канализировано либеральной идеологией.

Общественное мнение, сформированное сильной идеологией, позволяет направить общественное негодование в единое русло, придав ему тем самым необходимую мощь. Этому в значительной мере способствуют доступные данной эпохе средства массовой информации, в частности в эпоху реформ эту функцию выполняли легальная либеральная журналистика, вполне овладевшая приемами эзопова языка, подцензурные записки и письма и, наконец, бесцензурная зарубежная журналистика, образцом оперативности которой может служить свободная печать Герцена.

Инициатором радикальных реформ выступает наиболее конструктивно мыслящая часть правящей бюрократии, если такая находится, ибо только она имеет силу и власть провести реформу через все препоны общественного давления со стороны различных заинтересованных сил. Не случайно радикальные реформы называют «революцией сверху», противопоставляя ее «революциям снизу».

Осуществлению радикальных реформ предшествует создание социальных моделей. Однако, как правило, ни одна из них не совпадает с итоговым вариантом и тем более реальными результатами реформ. И это понятно: любая реформа есть внедрение идей в живую плоть социального тела, которое сформировалось в старых условиях и худо-бедно приспособилось к ним. Реформа же всегда означает *пере-стройку, пре-образование* сложившихся

ся отношений и потому весьма болезненно воспринимается всеми затрагиваемыми слоями общества. Реформа возможна на основе компромисса *за счет* их интересов. Отсюда неудовлетворенность, перерастающая в недовольство всех заинтересованных слоев общества, отсюда давление и критика слева и справа, осуществляемых реформаторами мер, отсюда же постоянные колебания последних «слева-направо». И тем не менее реформа может быть результативной только в случае ее последовательного непреклонного осуществления. Более того, любая радикальная реформа, преобразующая базисные отношения общества, а таковой, безусловно, была крестьянская реформа, вызывает цепную реакцию, требующую продолжения ее во всех смежных областях. То есть успешное осуществление радикальной реформы всегда выливается в «пакет реформ» и *предполагает их завершенность*.

Перестройка общественных отношений в результате реформ, внедрение новых институтов болезненно воспринимается обществом, во-первых, потому, что она не соответствует в полной мере и не может соответствовать его ожиданиям. Неудовлетворенность порождает нестабильность, а при определенных обстоятельствах вызывает смуту в обществе. Это порождает «тоску по былому порядку», что расчищает почву реакции в лице сильной авторитарной власти. Однако в недрах пореформенного хаоса зарождаются и крепнут новые отношения и институты, которые становятся катализаторами развития новой системы отношений. Отсюда амбивалентно непредсказуемый исход радикальных реформ: либо, преодолевая сопротивление реакции, реформы будут доведены до конца и закреплены политически государственным законом, либо восторжествует реакция, и тогда неизбежная стагнация общества, чреватая революционным взрывом.

С проведением реформ 60—70-х годов завершился период русского классического либерализма, подготовившего почву ликвидации сословного общества и его перехода к обществу гражданскому. И хотя этот процесс был заторможен эпохой контрреформ, под покровом реанимации самодержавия вызревали новые, классовые отношения, а вместе с ними и новые противоречия и проблемы. Их решение потребовало иных критериев оценки и, главное, иных ориентиров. Одним из ответов на этот запрос общества стал новый этап в развитии русского либерализма — «новый либерализм».

Глава 3. Новый либерализм: смена парадигмы общественного моделирования

3.1. Новый либерализм как идеология послереформенного времени

Новый либерализм формировался в условиях политической реакции середины 90-х гг. Это было сложное и противоречивое время. С одной стороны, отмена крепостного права и реформы правительства Александра II бесспорно способствовали капитализации российского общества и в какой-то мере придали этому процессу необратимый характер. С другой стороны, убийство императора (1881) активизировало консервативные силы, Александр III положил конец тем темпам и масштабам реформаторской деятельности двадцатилетнего правления своего отца. Время Александра III вошло в историю как время контрреформ. «После радужного настроения, светлых надежд и кипучей деятельности, наполнивших собой эпоху реформ, наступили годы полного и горького разочарования, и было от чего: светлые надежды не сбылись, победное шествие реформ остановилось, отчасти попятилось назад. Радужное настроение превратилось в мрачное, ироническое, дошедшее в некоторых до отчаяния или крайнего озлобления», — писал в 1888 году К.Д. Кавелин²⁵¹.

Казалось, либерализм «превратился в мерцающую неопределенность» (Масарик), отступил под натиском консерватизма, сводя до минимума свои требования (свобода печати, распространение в народе грамотности, продолжение начатых реформ), что даже позволило некоторым увидеть в нем «колосса на глиняных ногах». И тем не менее на рубеже веков либерализм в России, не занимая господствующего положения в общественной мысли и в социокультурной практике, оставался на исто-

рической арене в качестве заметной социальной силы оставалось заметным. Не погрешив сильно против истины, можно сказать, что он стоял за всеми главными конструктивными преобразованиями, которые проводило царское правительство вплоть до 1906 года. Поэтому справедливой представляется оценка ситуации, данная известным исследователем проблемы А. Валицким, считающим, что «традиция либерализма никогда не прерывалась в России, а в конце прошлого века ее значение стало даже заметно и постепенно возрастать»²⁵². В значительной мере это было связано с всеобщим неприятием самодержавия.

После смерти Александра III заметно активизировалось земство, призывавшее нового императора Николая II «повернуться лицом к реформам». Земцы рассчитывали на склонность царя (по молодости) к либеральным идеям. Но ошиблись, впрочем, как уже бывало. Все надежды были развеяны речью Николая II, произнесенной 17 января 1895 г. Ситуация вызвала резкий протест прогрессивных общественных кругов. В своем «Открытом письме Николаю II» П.Б.Струве предупреждал о неизбежном падении самодержавия, если оно не прекратит отождествлять себя с бюрократией. По сути, начался период открытой конфронтации царизма с народом и интеллигенцией. Доверие общества к нему быстро таяло. Мысль о том, что прогресс России возможен при самодержавии, стала рассматриваться как недомыслие или измена, ибо для многих становилось очевидно, что «износившееся самодержавие обратилось в игрушку в руках шайки людей, преследующих исключительно свои личные интересы» (Чичерин).

Самодержавие было заклеено как такое же абсолютное зло, подлежащее уничтожению, каким до «великих реформ было крепостничество», — вспоминал позднее В.А.Маклаков²⁵³. Поколение 90-х годов начинало видеть в нем стену, о которую разбились попытки работать на

блага народа. Для активного большинства общественности оно становилось Карфагеном, который надо было разрушить. Жаждали «нового слова», им стало требование «Долой самодержавие!».

Наиболее громко после народников его произнес марксизм, но он обращался не ко всем, к тому же пропагандируемые им и реализуемые в революционной практике средства многих отталкивали. «Быть услышанным» больше шансов оказалось у либералов, часть которых начала быстро «леветь». В «новое слово» они внесли поправку, выдвинув требование конституционализма на основе народного представительства в качестве *программного* требования, и провозгласив идею правового государства одним из *политических заданий*. На этом фоне в либеральном движении наметились некоторые сдвиги, хотя часть его, особенно земская среда, которая в 90-е годы не намеревалась выступать против правительства, еще надеялась на возможность реформации старого строя без разрушения его основ. Можно сказать, что либерализм проявлял себя чаще в умонастроениях, в сфере эмоциональной жизни, нежели в социальной практике и мотивации правительственных чиновников.

К концу 90-х годов положение дел несколько изменилось, чему в немалой степени способствовали расправа над земством, учиненная министром внутренних дел В.К.Плеве, и последовавшие один за другим земские съезды, ознаменовавшие по сути раскол в либеральном движении. Наряду с выделением ортодоксально-либерального ядра (Д.Н.Шипов, М.А.Стахович, А.С.Хомяков) образовалось и стало набирать силу конституционалистское направление (П.И.Новгородцев, П.Б.Струве, П.Н.Милюков, С.Л.Франк), ставшее сначала ядром «легального марксизма», а позже оформившееся в либерально-конституционную партию. Появление «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» с печатным органом «Освобождение» в 1902 г. в Штутгарте под

редакцией Струве организационно оформило этот раскол и положило начало процессу партийного оформления либерального движения, целью которого объявлялась организация либерально-умеренного крыла русского общества. Правда, удержаться на позициях «социального нейтралитета» оказалось очень трудно.

Все эти процессы вызвали выделение внутри либерализма особого направления — *нового либерализма*, объявившего своим политическим кредо конституционализм на основе представительной демократии. Как отмечал П.И.Новгородцев, «тот преимущественный интерес, который ранее принадлежал конституционной монархии, считавшейся наилучшим воплощением идеала правового государства для России, теперь постепенно переходил к представительной демократии... центр тяжести был перенесен на вопросы внутренней организации управления и представительства»²⁵⁴; актуализировались вопросы политического моделирования и его связи с социальным реформированием. Это означало отход от политических предпочтений дворянского либерализма пореформенного времени, ориентированного на деятельный контакт с самодержавием, для которого консерватизм, как уже об этом говорилось, был как бы вторым лицом. (Большинство русских либералов в этот период были скорее либеральными консерваторами, чем либеральными демократами.)

Очевидность различий со старым либерализмом в полную меру выявилась, правда, несколько позже, но в середине 90-х годов тенденция уже недвусмысленно заявила о себе. А либерализм стал приобретать черты, отличные от дворянского либерализма. Исследователь проблемы В.Ф.Пустарнаков называет его либерализмом «постклассического типа», сравнительно с классическим западным либерализмом²⁵⁵. С этой характеристикой можно согласиться, а можно и спорить, но в любом случае нельзя не признать, что либерализм эпохи Александра II и либерализм 90-х годов — вещи разные.

Главное их отличие обусловлено тем объективным фактом, что 90-е годы были связаны с набиравшими силу процессами капитализации российского общества, тогда как пореформенное время лишь расчищало путь капиталистическим преобразованиям. Соответственно особенностям исторической ситуации социально-политические требования нового либерализма облекались в несколько иные формулы: свобода в общественном устройстве как равенство прав, свобода предпринимательства как отсутствие монополий и вольная конкуренция, расширение функций государства вплоть до вмешательства в жизнь гражданского общества. Соответственно идея народного суверенитета, принцип разделения властей, принцип личных прав — все эти начала старой политической доктрины получали иное обоснование и иное практическое звучание. Основой стала идея *солидарности*, подчинения *всех социальных сил* общему обязывающему началу (государству) как гарантия действительной свободы. Само понятие свободы тесно увязывалось с солидарностью всех членов общества, в противном случае считалось, есть опасность ее самоуничтожения и разрушения основ государственной жизни.

Не последнюю роль в изменении либеральных воззрений сыграло и влияние западной ситуации, прежде всего успехи социал-демократического движения. Под давлением последнего многие европейские государства стали обнаруживать перемену в характере власти: она стала все чаще объявляться «социально-служебной» властью, существующей ради решения тех задач, которые стоят перед государством во всех сферах общественной жизни. Принцип правового государства стал коррелироваться с разнообразными программами, осуществляемыми государством в *социокультурной политике*. Правовым признавалось государство не потому, что оно делает, а потому, как оно действует, поэтому с ним связывались самые широкие программы социальной политики.

Поскольку отмеченные моменты являются составляющей *буржуазного либерализма*, русский либерализм 90-х годов можно назвать таковым, хотя и с определенными оговорками, ибо третьего сословия, как, впрочем, и четвертого, в качестве политической силы в это время в России практически еще не было, а классовой базой самодержавия оставалось дворянство. В силу чего новой идеологии не была свойственна остро классовая направленность. В этом плане данная Н.М.Пирумовой оценка земства как «помещичьего либерализма» выражает важнейшую характеристику всего либерального движения этого периода²⁵⁶. Несмотря на возрастающее экономическое влияние, русская буржуазия по-прежнему в большой степени зависела от царизма — и экономически, и политически. В конце века она была еще неконкурентоспособной не только на внешнем, но и на внутреннем рынке, нуждалась в постоянной правительственной поддержке, в покровительственных пошлинах, в покровительстве промышленности сверху. И, надо сказать, получала эту поддержку, активно осуществляемую царским правительством через политику протекционизма²⁵⁷. Очень медленно консолидируясь в класс, русская буржуазия предпочитала своим классовым интересам групповые. Не имея своей интеллигенции, она не признавала либерализм «своим» вплоть до 1917 года. Впрочем, и лидеры либерализма не спешили заявить о защите интересов буржуазии. А.А.Кизеветтер, один из организаторов и идеологов партии кадетов, настаивал: «...партия народной свободы не есть партия буржуазная» как рассматривающая вопросы государственной жизни «с точки зрения общенародного блага»²⁵⁸. Ее идеалы — это свобода и социальная справедливость.

Сказанное позволяет согласиться с М. Вебером, считавшим, что русский либерализм был движим скорее не социально-экономическими интересами, а *идеями*²⁵⁹. Как всякое направление общественной мысли — мы этим

утверждением вовсе не отрицаем его значимости в качестве общественно-политического движения — русский либерализм более, чем западный, на всех этапах своей истории не утрачивал этой черты, оставаясь всегда (а может, прежде всего) *системой взглядов* образованной, гуманистически настроенной части общества, т.е. *интеллигенции*, которая была и организатором, и субъектом либерального движения и которая к концу века значительно возросла (за счет земской и служилой интеллигенции, людей свободных профессий, университетской профессуры).

В это время русский либерализм как общественный феномен был интеллигентским течением, как по составу его защитников, так и по пропагандируемому мировоззрению. «Никто из настоящих либералов того времени не защищал интересы какого-то отдельного класса или группы, но ратовал за интересы всего народа, всего общества, всей страны»²⁶⁰. Различные политические ситуации, уровень и направленность развития самой общественной мысли акцентировали различные его моменты — политическое кредо, философские концептуальные основания, программу социальных преобразований, критику тех или иных сторон жизни гражданского общества, вопросы тактики, но всегда русский либерализм оставался прежде всего *системой идей*, ориентированных на общечивилизационные, гуманистические ценности и завоевания мировой культуры. Н.А.Бердяев, несколько утрируя эту черту, отмечал: «Русские либералы были скорее гуманистами, чем государственниками»²⁶¹.

Может, поэтому так часто русский либерализм, включаясь в практику реформаторской деятельности, терпел поражение? В русском либерализме (во всех его исторических видах) немало романтической веры в святость общечеловеческих ценностей, и в этом смысле немало утопии, но, думается, в этом есть не только его слабость, но и сила. Терпя поражение как общественно-

политическое движение, он всегда сохранял свой «непотопляемый» запас идей, составляющих общечеловеческие ценности. Наверное, в силу этой же черты он обречен быть всегда, по словам Маклакова, «вечной оппозицией», а не правящей партией. Может, в этом и есть его самая большая тайна, за которой скрыты многочисленные «почему?», с которыми люди разных поколений, в том числе и мы сегодня, обращаются к нему: почему терпит поражение на выборах, почему не может удержать власть, почему так много говорит и так мало действует — почему, почему, почему?

Но вернемся к характеристике исторической ситуации, в которой появился новый либерализм. Сказанное выше, на наш взгляд, объясняет — во всяком случае в какой-то мере, его выбор ориентации на синтез ценностей старого либерализма с программами социал-демократического движения. И с этой точки зрения приведенная выше оценка его В.Ф.Пустарнаковым его как «постклассического» верна: русский либерализм как бы перепрыгнул от российского дворянского сразу к европейскому, постклассическому либерализму. Правда, он не утратил своей специфики, что позволяет характеризовать его именно как русский либерализм, т.е. продолжающий *свои* традиции, а точнее, традиции русской общественной мысли, важнейшей из которых оставалась верность гуманистическим, демократическим ценностям. Как писал Струве, «всякий иной либерализм, кроме демократического, не имел бы в русском обществе почвы и не имел бы в ней отклика»²⁶².

Говоря о доктринальных особенностях нового либерализма, важно подчеркнуть еще и тот момент, что в России он формировался в условиях острой конкурентно-идейной борьбы с набравшим силу революционно-демократическим движением. Отношения полемики, притяжения и отталкивания не могли не сказаться на направленности и содержании его идей, на его стратегии

и тактике как общественного движения в целом. Существенное значение имело то обстоятельство, что его социально-политическая программа испытывала влияние со стороны социализма. Однако в отношении последнего необходимо следующее уточнение, дабы избежать возможных двусмысленностей.

Речь идет о направлении общественной мысли, в рамках которого социализм понимается как углубление и расширение идей правового государства, а социализация последнего — как расширение сферы прав человека. *Этому социализму неоллиберализм обязан целым рядом новых положений.* «В практике современного государства, — писал П.И.Новгородцев, — границы либерализма и социализма стираются; их различие в степени темпа и меры, в степени эмпирической научной точности при осуществлении своих задач»²⁶³. И тем не менее не следует абсолютизировать момент кажущейся похожести, а главное, необходимо учитывать то конкретное содержание, которое закреплялось новыми либералами за самим понятием социализм. «Когда мы говорим, что социализм, входящий в культурную работу современного государства, «врастающий» в современное общество, вполне приемлется теорией новейшего либерализма и практикой правового государства наших дней, — отмечал Новгородцев, — это значит, что мы /.../ имеем здесь в виду социализм, утеравший свое внутреннее существо и превратившийся в политику социальных реформ»²⁶⁴.

В таком реформированном варианте за социализмом признавалась роль *ускорителя социальных реформ*, осуществляемых государством. При этом полагалось, что и «самая из исторических реформ» не может осуществиться «вне путей исторической эволюции». Другими словами, с социализмом отождествлялась направленность социал-демократической практики, складывающейся из последовательного продвижения по пути реформ, ни одна из которых не может быть в этом ряду последней и конеч-

ной, а лишь ступенью на пути прогресса. (В этом смысле историческое осуществление социалистических начал, считалось, явится вместе с тем и полным крушением марксизма: эволюционным путем будет достигнуто то общественное состояние, переход к которому марксизм связывал с революцией.)

Цепочка реформ не осуществима без предварительной духовной, нравственной подготовки всего общества и потому предполагает одновременно с политической его духовную реформу. В обращении к нравственным силам новые либералы видели свои преимущества перед марксизмом и гарантию от радикализма, полагавшегося на силу классовой борьбы и социальной революции. Спустя некоторое время это противопоставление позиций вместе с критикой большевистской идеологии прозвучит в «Вехах», авторами которых станут именно новые либералы, а еще позже, уже после октября 1917 года, в сборнике «Из глубины».

Если говорить о влиянии на либерализм марксизма, то необходимо напомнить, что через увлечение им, прошла практически большая часть русских мыслителей конца XIX века и прежде всего те, кто заявил о себе как о «легальных марксистах». С последним были связаны попытки соединения экономического учения Маркса с социально-политическими идеями либерализма, попытки придать марксизму смягченную форму в отличие от ортодоксального толкования его плехановской школой. Этот факт, бесспорно, оказал существенное влияние на идеологическое оформление нового либерализма. (Поэтому не без основания некоторые усматривают генетические связи легальных марксистов с либерализмом 90-х годов.) Линии связи с марксизмом имели и тот общий вектор, который выражал одинаковое неприятие всех форм социального угнетения. По оценке Новгородцева, марксизмом была установлена та идейная грань, которая требовала изменения взгляда на сущность права, на принципы равенства и

свободы. Немаловажное значение имел и тот факт, что легальные марксисты отвергали народническую модель некапиталистического развития России, капитализм толковался как этап, который необходимо пройти. Конечно, в такой оценке капитализма, полностью воспринятой новыми либералами, «просвечивала» определенная амбивалентность: с одной стороны, эта оценка была сущностно связана с концептуальными либеральными установками, ориентирующими на защиту идеи естественного хода истории. С другой стороны, она несла на себе печать «крещения марксизмом» — капитализм есть «зло». Заметим, что эта амбивалентность по большей части и делала его идеологией полумер, о чем мы уже говорили выше.

Однако, влияние марксизма имело свои границы и в целом новый либерализм во многом был «плотью от плоти» своего предшественника. Правда отличия от «родителя» были порой столь существенны, что современники не раз отказывали ему в праве называться либерализмом. В этой связи примечательна полемика, развернувшаяся в 20-е годы на страницах журнала «Современные записки» между В.А.Маклаковым и П.Н.Милюковым. Маклаков, обращаясь к ситуации, предшествующей 17 октября 1905 года, обвинял новых либералов, в частности кадетов, в том, что они нарушили главный принцип либерализма — вступили в борьбу с существующей властью, предали русскую государственность, отказались ее поддерживать и сыграть традиционную для либералов роль реформаторов, что стало для него равносильным самоубийству, поскольку либералы «встали тем самым на сторону революции» (свержения самодержавия). Милюков, в свое время положивший немало сил для изгнания из «Союза Освобождения» приверженцев старого либерализма (этих «идеалистов самодержавия»), признавал, без всякой доли оправдания, что в тех сложившихся условиях иначе действовать было и невозможно, ибо сама самодержавная власть не

оставляла другого пути к конституционной монархии, кроме революционного. К тому же в тактических соображениях революционные методы вовсе не исключаются, поэтому революционером может стать при известных обстоятельствах и либерал. Заметим, что это не было личной точкой зрения на проблему. Другой не менее авторитетный идеолог либерализма А.А.Кизеветтер подтверждал, имея в виду программные установки партии Народной Свободы, что если в части стратегии партия остается верна эволюционизму, то с точки зрения практики она ориентирована на отказ от недооценки методов насилия.

Таким образом, новая идеология критиковала классический либерализм и за сопротивление конституционализму, который расценивался представителями последнего как «дворянская затея», и за недооценку оправданных тактическими соображениями решительных методов, вплоть до насилия, в социальной практике. Вообще именно с момента партийного оформления русский либерализм стал представлять собой очень разнородное явление, и факторами разногласия были не столько вопросы теории, сколько тактики самого движения: он шел из разных общественных групп, и разнообразные мотивы руководили людьми, присоединявшимися к либеральному движению. Позиция Маклакова и Милюкова выражала как бы два полюса в либеральных умонастроениях и ориентациях относительно целей и средств либерального движения. Но, повторяем, и согласные с формулой старого либерализма, ориентированного на реформацию общества «сверху», и не верившие в конституционные действия самодержавия, не отрицали исходных социально-философских идей старого либерализма, более того, именно эти идеи стали ядром новой социальной программы.

3.2. О праве как гарантии «минимума добра и нравственности»

Главный вектор развития нового учения был связан с толкованием права, социально-правовых функций государства, т.е. с учением о правовом государстве. Если классические либералы выступали с требованием ограничения роли государства не только в экономике, но и во всех других сферах (это считалось наилучшим способом обеспечить свободу и равенство), то новые либералы акцентировали вопрос о расширении функций государства, о их *социальной направленности*. Государство, надлежащим образом преобразованное, может и должно регулировать экономическую жизнь общества, поскольку отдельные классы, как бы они ни различались по своему экономическому положению, всегда преследуют *свои* экономические интересы. Государство, опираясь на право должно служить *общему благу*, а не интересам отдельных лиц и социальных групп. Этого требует от него современное правосознание.

Новый либерализм появился в России на стыке с демократическим движением, на пересечении с критикой революционного социализма и, конечно же, под влиянием тех социальных задач, которые питали русскую общественную мысль того времени. Поэтому он почти сразу оформился в *социально-политическую программу*. Его проблемы оказались связанными с проблемами назревших в России общественных преобразований в области государственного устройства и социально-экономической жизни общества. Чуть позже, в начале XX века, многие идеи нового либерализма стали основой идеологии и социально-политической программы партии кадетов — партии, активно включенной в политическую борьбу, что впоследствии наложило заметный отпечаток не только на политическую, но и на социально-экономическую доктрину нового либерализма. Но развивая новые идеи,

новые либералы пытались согласовать их с общим духом либеральной системы ценностей, основополагающим конструктом которой было *признание самоценности человеческой личности и естественных прав человека*. И шли в этом направлении совершенно сознательно, не только признавая свою связь с предшественниками, но и дорожа ею. Важно отметить, что предложенная социально-экономическая программа и интерпретация принципов правового государства значительно приближала новый либерализм к европейским социал-демократическим программам конца XIX века, чего нельзя было сказать о классическом либерализме, ориентированном на сохранение самодержавия.

Новый либерализм, соглашаясь с этим тезисом по существу и защищая принцип ценностного приоритета правозаконности над сферой политики, вместе с тем выдвинул принцип *социализации* правового государства, которая понималась не как расширение сферы политической власти, а скорее как более высокая степень верховенства закона, как расширение сферы гарантируемых *прав личности*. Новый либерализм соглашался на расширение области государственного регулирования общественной и личной жизни индивидов, предлагая толковать право не просто как обеспечение индивидуальной свободы, но и как гарантию «минимального добра», что включало в правосознание вместе с категорией права категорию морали.

Значительное влияние на развитие правосознания в этом направлении оказали идеи Вл. Соловьева, защищавшие идеальную сущность права — силу права против права силы. Роль права в человеческой жизни предстала у Соловьева в свете его высшего идеального предназначения «служить целям нравственного прогресса». Идея о «праве человека на достойное существование», «на возможное благополучие», которые государство обязано гарантировать всем гражданам, утверждало самоценность

человеческой личности, критерий, в соответствии с которым общество, где личность становится орудием политических целей, признавалось противоречащим идеалу человеческой общественности. Эти идеи произвели глубокое впечатление на таких блестящих правоведов, как П.И.Новгородцев, В.И.Гессен, Б.А.Кистяковский, которые «превратили в философско-правовой постулат его идею о сверхутилитарном (духовно-нравственном) первоисточнике правосознания и стали трактовать последнее как общечеловеческое суждение о справедливости, имеющее значение критерия и меры при оценке любых положительных законов»²⁶⁵.

Суть позиции Соловьева состояла в признании, что право по своей природе родственно нравственности, поскольку принадлежит к сфере долженствования. Между двумя этими областями, считал Соловьев, есть тесные внутренние отношения, не позволяющие отрицать одну из них во имя другой. Правопорядок — это такое общественное состояние, которое соответствует «внутреннему запросу *нравственно развитой личности*», ибо только она обладает сознанием, что право есть гарантия свободы и угроза, обращенная против пытающихся уничтожить ее. Само же право — это есть *«принудительное требование определенного минимального добра»*²⁶⁶, «определенного минимума нравственности»²⁶⁷. Отмечая значение этой идеи для развития философии права, Новгородцев назвал Соловьева наиболее видным защитником правовой идеи среди философов истекшего века. «Юрист найдет здесь, конечно, много промахов и недосмотров, но вместе с тем он должен оценить и серьезную заслугу. Эта заслуга касается самого доброго и ценного для всей юридической науки, а именно доверия к идее права. Все построения Соловьева проникнуты этим доверием; все оно стремится подчеркнуть нравственную цену правовых учреждений, их значение для морального прогресса»²⁶⁸.

Уместно, однако, заметить, что соловьевское толкование природы права встретило возражение со стороны Б.Н.Чичерина, который увидел в нем невозможное для правовой теории отождествление права и нравственности. Государственность (право) не может быть на службе нравственности — это равносильно уничтожению права, да и самой нравственности, так как последняя налагает на человека только обязанности, не определяя никаких прав, в свою очередь подчинение права нравственности означало бы введение ее принудительными мерами. Понятно, что Чичерин критиковал Соловьева не за идею правового обеспечения элементарных прав общежития, а за увиденное им за ней стремление превратить право в инструмент реализации нравственного идеала. Однако в отношении Соловьева последнее не имело в общем-то оснований. И в его позиции нам важно отметить другой момент. Ибо, как отмечает Новгородцев, Соловьев полемизировал не со всеми юристами, а с теми правоведами, которые выросли на почве непонимания роли права и закона в жизнедеятельности общества, в чем он усматривал серьезные слабости российской жизни в целом.

Для развития человеческой свободы и нравственности необходимо благоустроенное общество, которое зависит от безопасности всех, — вот смысл позиции Соловьева. Действительная свобода остается пустой фикцией без должных гарантий со стороны права и государства. Поэтому, конечно, главная функция правового государства — принудительная охрана равновесия частных своекорыстных сил. Но в этом и состоит минимальное требование к праву. Цель же жизни не в том, чтобы общество существовало, а в том, чтобы оно существовало достойным образом. Обеспечение такого человеческого существования есть максимальное требование к праву, его подлинная цель и соответственно главная функция правового государства.

Согласно Соловьеву, требуемый правом «минимум добра» включает обеспечение всем людям «достойного существования» не только в плане физических средств, но и в плане соответствующего досуга, т.е. такого, какой человек мог бы использовать для своего духовного совершенствования. И хотя для Соловьева правовое государство не было последним — с точки зрения идеала — способом человеческого общежития, а только необходимой ступенью к его высшей форме — теократии, сам мыслитель, всегда остававшийся на почве ближайших к нему реалий и исторической перспективы, защищал модель правового государства, «подправляя» ее идеей единства права и нравственности.

В предложенной формуле однопорядковость права и нравственности не означала тождества: Соловьев, конечно, понимал, что требования права строго ограничены, тогда как нравственные побуждения могут быть всеобъемлющими. Но мораль, полагал мыслитель, наполняя идею неотъемлемых прав человека этическим содержанием, превращает эти права *в гарантии отношения государства к человеческой личности не только как к средству*, ибо ориентирует право на обязательную реализацию минимального добра в общественной жизни, а соответственно и свободы. Последняя же есть возможность проявления индивидуальности, т.е. гарантия, что никакое человеческое существо не может рассматриваться *никем* (ни другим человеком, ни обществом, ни государством) как средство достижения каких бы то ни было целей.

Признание за правом принуждения к реализации добра не означало для Соловьева и признания правомерности патерналистского вмешательства в частную жизнь, не отрицало свободы совести, свободы распоряжаться своими природными способностями, своим имуществом. Не отрицая, что право есть насилие, он утверждал, что это насилие призвано смирять злые наклонности, обуздывать упорный эгоизм лиц, бороться с несправедливос-

тью и произволом сильных, обеспечивать общее равенство и свободу. Поэтому те, кто отвергают право на том основании, что оно есть насилие, возведенная в закон воля стоящих у власти, — те забывают о праве как выражении справедливости и свободы, забывают о том, что оно есть священное достояние людей. Позиция Соловьева наносила удар по этатизму. Как справедливо отмечает Эр.Ю.Соловьев, его идея о сверхутилитарном, т.е. духовно-нравственном первоисточке правосознания, с этого времени стала толковаться как *правовой постулат*. Само же правосознание — «как общечеловеческое суждение о справедливости, имеющее значение критерия и меры при оценке «положительных законов»²⁶⁹.

К сожалению, сторонники классического либерализма увидели в позиции Соловьева прежде всего опасность теократических устремлений к «насильственной организации добра», которая, как они убеждали, может стать врагом свободы. Соловьев не разделял таких опасений и постоянно подчеркивал, что требование правовой институционализации минимума нравственности следует отличать от готовности использовать насилие (полиция, тюрьмы) для защиты нравственного абсолюта. Отстаивая этот тезис, он обосновывал правомерность и необходимость целенаправленных государственных усилий на обеспечение достойных человека условий жизни. Эта идея была созвучна пафосу нового либерализма, защищаемым им принципам социальной политики и моделирования отношений между государством, властью и гражданским обществом. Оценивая эту заслугу Вл.Соловьева, Новгородцев называл его «наиболее видным защитником правовой идеи среди философов истинного века»²⁷⁰. Позиция Соловьева переворачивала ценностные установки, сложившиеся в общественном сознании: общество, где за личностью признается лишь роль орудия реализации политических и культурных целей, даже если последние являются самыми возвышенными, стало расцениваться

как антигуманное. Можно сказать, что после Вл.Соловьева (который по строгому счету не принадлежал ни к какому определенному политическому движению) русская либеральная мысль обрела программную последовательность европейского политического либерализма и прочно связала себя с концепцией прав человека и идеалом правового государства. Новый либерализм стал попыткой своеобразного примирения позиций Б.Н.Чичерина и Вл.Соловьева: либералы остались верными пониманию государства как оставляющего своим гражданам полную свободу самоопределения и отказывающегося от навязывания им своих планов, но одновременно они признали, что его важнейшей функцией является обеспечение «права на достойное существование». Ибо, по их представлениям, «правовое государство по своей идее есть государство, осуществляющее высшие задачи права, а не только формально определяющееся в своей организации и деятельности правом. Высшее же назначение права быть не только нормами, отрицающими произвол в общественных отношениях и обеспечивающих необходимую формальную свободу личности, но и нормами социальной справедливости»²⁷¹.

Идеи Соловьева оказали существенное влияние на все правосознание конца XIX века. Но в наибольшей степени они нашли отражение в философии права П.И.-Новгородцева, вернее, как он сам называет систему своих воззрений — в нравственном идеализме, в соответствии с которым право толковалось как охватывающее оценочные отношения относительно всей системы политических и правовых учреждений. Это определило новое направление в выборе требований, предъявляемых к социальному моделированию, а именно — продолжить принцип равенства в сторону *уравнивания социальных условий жизни*.

Пути развития правового государства предлагалось связывать с осуществлением социальных реформ в направлении расширения его функций за пределы собственно

правовой сферы и насыщения их идеями нравственности и справедливости. Это требование подкреплялось не гуманистическими сентенциями, а куда более трезвыми соображениями: правовое государство не в силах осуществить стоящие перед ним задачи *чисто правовыми средствами*, оно должно призвать на помощь нравственные силы. В этом и состояла новизна, вносимая новыми либералами в учение о правовом государстве. Классики правосознания провозгласили государство «земным богом». За ним была признана исключительная и всемогущая роль в деле нравственного прогресса. Опыт XIX века заставил отступить от этого взгляда к более скромным воззрениям.

В соответствии с ними государство имеет лишь «практическую ценность необходимой и целесообразной организации», оказывающей человечеству элементарные, но незаменимые услуги»²⁷². Большая часть их связана с обеспечением единения всех слоев общества. Для осуществления этой задачи оно и вынуждено призывать на помощь нравственные силы, ибо для ее решения, как показывает жизнь, формальных начал недостаточно. Необходимы более прочные скрепы общественной жизни. Роль таковых может выполнить *солидарность*, основанием которой является подчинение под контролем государства частных интересов высшим нравственным идеям. Только при этом условии государство в состоянии сдерживать силы реального зла и открыть простор для сил,двигающих общество по пути прогресса. Но в таком случае право должно включать не только насилие, но и обеспечение свободы. Вот почему внешние правовые формы далеко не безразличны для нравственных целей, ибо от качества этих форм, от их *соответствия нравственному началу* зависит, находит ли человек в данной среде гнетущую его силу, жестко ограничивающую его свободу или возможность беспрепятственно развивать свои склонности и способности. Более того, именно эта взаимо-

связь правовых форм с нравственными устремлениями людей является первопричиной развития, совершенствования права. Поэтому право должно быть понято не только как факт социальной жизни (внешняя общественная форма), но и как личностный принцип, а для определения его регулятивных начал необходимо обращение к этике. Развивая это направление мысли, Новгородцев возвращается к идее естественного права, выражающего общечеловеческие и вечные стороны человеческого бытия, «беспристрастную и нелицеприятную идею справедливости», и утверждает, что именно с ней, получающей свои высшие принципы от моральной философии, связана теория правового государства, а «первая линия его определения» складывается из требования морального закона²⁷³.

Как подчеркивает А.Н.Медушевский, уже само обращение русской юридической науки к теории естественного права представляет интерес²⁷⁴. Оно свидетельствует об обращении русской юриспруденции к праву с точки зрения вечных человеческих ценностей и о признании нравственного основания человеческой природы, о значении этических принципов, играющих роль своего рода исконных правовых начал. Из этого следовало представление о связи права и этики, о праве как нравственности. Утверждалась мысль о возрождении и силе естественного права с признанием самостоятельного значения нравственных начал в его реализации. Это говорило о повороте правосознания к новой «системе отсчета» в оценке значения и роли государства, в известном смысле об утверждении в нем новой парадигмы, если принять во внимание предложенную интерпретацию и готовность к защите и практическому осуществлению связанных с теорией естественного права требований общественной жизни. Идеи

естественного права в обосновании и интерпретации Новгородцева были поддержаны И.А.Покровским, Б.А.Кистяковским, Н.М.Коркуновым, Л.И.Петражицким.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что к концу 90-х годов под влиянием развития философско-правовой мысли и развития социал-демократического движения в Европе в русском либерализме сформировалась *новая парадигма* теории правового государства. Она заметно отклонялась от своего классического варианта в сторону большей акцентировки социальных функций государства и более расширенного толкования самого права. Если теоретики первой половины XIX века полагали, что деятельность государства должна ограничиваться охраной прав граждан, а наилучшим средством обеспечения свободы и равенства является невмешательство государства в экономическую сферу и частную жизнь людей, то в конце века представления на этот счет весьма изменились. Политическое развитие обнаружило, что для осуществления свободы и равенства требуется не только устранение юридических препятствий, но и материальные условия их реализации, т.е. определенная деятельность государства. Это меняло представления о роли моделирования социальной реальности — последнее приобретало значение важнейшей составляющей государственной политики, коррелирующей взаимоотношение власти и гражданского общества.

Учение о правовом государстве содержательно приближалось к социал-демократическим программам конца XIX века. Его проблемы оказались связанными целым рядом звеньев с проблемами назревших в России общественных преобразований в области государственного устройства и социально-экономических принципов организации хозяйства и всей общественной жизни. Принципы правового государства стали представляться

совместимыми, как писал Кистяковский, с разнообразными программами и идеалами социальной и культурной политики.

Глава 4. Социальная программа нового либерализма

Содержание учения о государстве, обновленное теоретическими поисками В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого и других теоретиков нового либерализма наиболее полно отразилось в а) интерпретации прав человека, б) понимании принципа равенства, в) истолковании собственности, г) обосновании принципов демократии.

4.1. «Право-притязание» как правовая основа либеральной модели развития

Основной принцип правового государства — ограничение власти — новый либерализм не подвергал сомнению. Власти положены пределы, которые она не должна переступать. Ограничение власти означает признание ею за личностью необходимых, ненарушаемых прав. Таковыми являются свобода совести, свобода общения, союзов и собраний, покоящаяся на праве неприкосновенности личности. Эти свободы есть неотъемлемое право каждого человека. Там, где их нет, государственная власть имеет насильственный, а не правовой характер. (Поэтому деспотичными государствами могут быть и те, что построены на принципах народовластия.) Таким образом, последовательное осуществление законности требует свободы и прав личности и в свою очередь естественно вытекает из них, как их необходимое следствие. В интерпретации этого тезиса сходятся все виды либерализма. Не составлял исключения в этом плане и новый либерализм. Дополняющей в его учении о свободе и государственной власти стала идея *«взаимных прав и обязанностей»*.

Различие в понимании этого вопроса между классическим и новым либерализмом столь значительно, как замечал С.И.Гессен, что кажется, будто, кроме названия

между ними нет ничего общего. В самом деле, новый либерализм выдвинул идею: государство не есть пассивный зритель борьбы «всех против всех», вмешивающийся в нее только тогда, когда происходит разрушение границы определенной законом личной свободы. Поэтому кроме «охранительной» функции у современного государства есть и другие — связанные с *обеспечением* свободы. Иными словами, у государства есть *положительные* обязанности по отношению к индивиду. Связаны они с тем, что каждый человек имеет право требовать от него не только юридической, но и материальной защиты. Обеспечение последней есть прямая обязанность государства, нарушение которой равносильно ущемлению индивидуальной свободы.

Другими словами, «если правовой либерализм мыслит отношение публичной власти и отдельного лица как отношение взаимного безразличия, то новый либерализм выставляет, напротив, идею взаимных прав и обязанностей между индивидом и государством»²⁷⁵. Если старый либерализм настаивал на невмешательстве государства в дела гражданского общества и хозяйственной деятельности, то новый либерализм, утверждая «право-притязание» каждого по отношению к государству, вменял последнему определенные обязательства по отношению к своим гражданам, но одновременно с этим и санкционировал контроль над жизнью гражданского общества. Важным был еще один довод: признание равных прав и обязанностей может «доставить правовое удовлетворение» лишь тогда, когда эти права и обязанности имеют свое оправдание: например, право на достойное существование выводимо из ценности, которой обладает каждая личность, требование ответственности выборных органов в своей основе есть толкование справедливости. Иными словами, притязания граждан своим главным доводом в правовом государстве имеют ориентацию последнего на

ценность человеческой личности. Интересы индивида — главный аргумент в оправдании любого права и любой обязанности.

Итак, каждое лицо *имеет право* требовать от государства минимума социальных благ: получения образования, вспомоществования в случае старости, болезни, массовой безработицы и пр. А государство системой положительных действий обязано гарантировать реализацию этого права — не только на уровне общества в целом, но, что особенно важно, на уровне конкретной личности с учетом особенностей ее индивидуального бытия. Образно говоря, абстрактное по форме право должно быть личностным в своем осуществлении в системе правовых общественных отношений. Главным из «прав-притязаний» новые либералы признавали право на достойное человеческое существование. Обеспечение этого условия рассматривалось как положительная (а не благотворительная!) функция государства. Право на достойное существование выводилось из признаваемой самоценности каждой личности — независимо от ее заслуг, положения в обществе, занимаемой должности и т.п. — просто как человека. (Скажем, из того же источника, из которого проистекает недопустимость смертной казни.) Конечно, всякой социальной политике по необходимости присущ элемент ставки на сильных, но тем необходимее уравновесить его заботой о слабых.

Право, таким образом, как юридическая норма приобретало моральную окраску, ибо связывалось с категорией справедливости. «Власть, — писал С.А.Котляревский, — должна быть ограничена правом во имя справедливости; справедливость должна быть восполнена деятельной благожелательностью, которая в известном смысле есть высшая справедливость, вытекающая из достоинства человеческой личности и из сознания космического и морального единства»²⁷⁶. Так проблема правового

государства целым рядом нитей сплеталась с проблемой общественного устройства не только в смысле его внешних форм, но и *внутреннего единения его граждан*.

В признании права на достойное человеческое существование в толковании социальных функций государства новые либералы видели свое существенное отличие от классического либерализма, для которого из признания свободы индивида вытекала лишь обязанность государства *не вмешиваться* в частную жизнь граждан. Новые либералы понимали право *положительно*: государство обязано не только не вмешиваться в частную жизнь, но и помогать гражданам определенным образом в целях достижения необходимого уровня жизни. Если классический либерализм игнорировал связь права и благосостояния, то новый либерализм восполнял чисто формальное равенство социальным равенством, а точнее, «мероприятием, смягчающим чрезмерное социальное неравенство» (Гессен).

Требование условий, достойных человеческого существования, поднимало вопрос о связи правосознания с этическими основами общежития. Ведь гарантия такого права предполагает расширение границ деятельности государства, в том числе и в сфере гражданского общества. Поэтому с переводом требования на уровень социальной практики могут возникнуть проблемы не только в теории права. В качестве юридической категории, предполагающей систему определенных действий (государственной политики), «право на достойное существование» требовало конкретизации содержания. «Когда говорят о *праве* на достойное человеческое существование, — уточнял Новгородцев, — то под этим следует разумеать не положительное содержание человеческого идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни. Точно так же говорим мы о праве свободной мысли и верующей совести в смысле отрицания внешних стеснений для духа,

хотя хорошо знаем, что положительное осуществление идеала внутренней свободы одним этим не может быть достигнуто»²⁷⁷.

Речь могла идти об освобождении от гнета тех условий, которые убивают человека физически и нравственно. (Только в этом вопросе критерии могут быть более-менее четко очерчены.) Из признания правомерности требования достойного существования каждому вытекали конкретные юридические следствия. Общезначимость требования виделась не только в определении границ достойной жизни, но в *признании государством принципа охраны личности в каждом человеке*. И это, пожалуй, было самое ценное в предложенной новыми либералами интерпретации «прав-обязательств».

Важно, что в контексте нового учения о государственной власти право предлагалось рассматривать в рамках *общей философии* человека и *философии ценностей*, что ограждало правовую культуру от *чрезмерной политизации*. Этот тезис был общим с классическим либерализмом, но в новом либерализме он был более проработан в качестве принципа социальной политики. Новые либералы были убеждены, что верховенство права может существовать и без полной политической свободы, но не наоборот. Как и их предшественники, может, только с большей обоснованностью и практической направленностью, они защищали модель общества, связанного правом, в противоположность обществу, повязанному властными отношениями и подчиненному целям политической власти. Изменение взгляда на природу права и функции государства меняло понимание свободы. «Свобода, — писал С.И.Гессен, (не есть более чисто отрицательное состояние индивида, только запрещающее по отношению к нему определенные поступки, но также и положительное состояние, предписывающее со стороны других определенные акты»²⁷⁸. Идея «права-притязания» наполняла свободу конструктивным смыслом. Свобода

вместе с негативным содержанием (свобода «от...») приобретала status positiv. Понимание свободы как равной и одинаковой для всех возможности произвольного действия заменялось пониманием ее как свободы *самореализации человека*. И в качестве таковой она представляла не как нечто, раз навсегда данное, «одинаково отмеренное всем лицам» конкретными правами, перечисленными «навечно», а как «исторически подвижные возможности личного творчества», как «качество личности, находящееся в непрерывном процессе, могущее расширяться и сужаться, расти и вырождаться»²⁷⁹.

Сфера личных прав понималась в соответствии с идеями классического либерализма как непроницаемость личности для другого лица, в том числе и для государства, как то безусловное ядро личности, которое не позволяет ему превратиться в простое орудие удовлетворения чужих потребностей. В каком-то смысле такое определение свободы было формально, ибо в его рамках не было речи о тех конкретных правах, которые могут быть раз навсегда перечислены, как, скажем, это сделано в «Декларации прав человека». Но оно было более содержательно, считали его защитники, в том смысле, что способно было воспринять полноту фактических социальных реалий и возможных отношений человека с государством.

4.2. Социально-правовой механизм гарантии равенства перед законом

Важное место в либеральной модели общества занимало социальное равенство. Его интерпретация определяет степень новизны всего учения о государстве и соответственно принципов его моделирования. Если для классического либерализма оно означало «подчинение всех граждан одинаковому закону» (Чичерин), что несло в себе по большей части отрицательный смысл (отмену

привилегий, связанных с происхождением, родом занятий, уровнем достатка и т.п.), то новыми либералами оно в большей мере наделялось положительным содержанием. Так, например, равенство в образовании заключается не только в праве каждого ребенка поступать в любую школу, в которую он подготовлен своим воспитанием и полученными знаниями, но и в праве получить то именно образование, в котором он в силу особых условий своего существования *нуждается*. Точно так же равенство в экономической области согласно неолиберализму заключается не только в праве каждого заниматься любым видом предпринимательской деятельности, но в праве пользоваться при этом поддержкой государства. Конкуренция должна быть *fair play* (честной игрой); неравенство включенных в нее сторон не должно идти так далеко, чтобы напомидало жизнь в джунглях. Поддержка слабого в конкурентной борьбе, вплоть до обеспечения его льготными условиями — обязанность государства.

Равенство, таким образом, интерпретировалось как равенство перед законом плюс равные шансы для каждого. Такое толкование предполагало поддержку государством того рода деятельности, в которой человек нуждается и потому правовое государство не может гарантировать подлинного равенства (равенство перед законом), если не в состоянии обеспечить *социального* равенства, равенства исходного пункта. Последнее становится реальностью только как результат соответствующей политики государства. Государство, не вмешиваясь в личную жизнь граждан, *обязано помогать* им своими положительными действиями. Поддержка слабых — это *правовая обязанность государства*. Таково главное *credo* социальной программы неолиберализма. Оно отличало его от либералов старой юридической школы, считавшей, что поддержка нуждающихся скорее задача благотворительности, нежели права. «Этому требованию, — писал в свое время Б.Н.Чичерин, (может удовлетворить уже не право, а иное

начало — любовь. Тут приходится уже не охранять свободу, а восполнять недостаток средств /.../ Право одно для всех; человеколюбие же имеет в виду только известную часть общества, нуждающуюся в помощи. Если бы государство вздумало во имя этого начала изменять свое право, т.е. вместо установления одинаковой свободы для всех обирать богатых в пользу бедных, как этого требуют социалисты, то это было бы не только нарушением справедливости, но вместе с тем извращением коренных законов человеческого общежития»²⁸⁰.

Возражая всему старому либерализму, Новгородцев оценивал приведенный тезис Чичерина, как одну из коренных ошибок правосознания XIX века, и доказывал, что, ставя целью права охрану свободы и отделяя от этого потребность в восполнении средств, старая теория забывала, что *пользование* свободой может быть парализовано недостатком средств. Вот почему, хотя «задача и сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы: без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически»²⁸¹.

Во имя гарантии свободы и достоинства личности — и как человека, и как гражданина (государство *должно* взять на себя заботу о материальных гарантиях свободы и в первую очередь в этой связи обеспечить на деле (принципами гражданского общества) право каждого на достойное существование, которое есть *первейшее* в системе правовых норм и непосредственно связано с практическими реализациями принципов демократии в общественной жизни. «Если есть какая-либо яркая и отличительная черта того нового воззрения, которое все более дает себя знать в различных общественных заявлениях, так это именно — признание за указанным правом не нравственного только, но юридического значения, —

писал Новгородцев. — В этом случае на наших глазах совершается один из тех обычных переходов нравственного сознания в правовое, которыми отмечено прогрессивное развитие права. И, быть может, у нас в России ранее, чем где-либо, этому новому виду права суждено получить ясное принципиальное признание»²⁸². К сожалению, ожидания Новгородцева не оправдались. И сегодня социальная политика в стране игнорирует не только нравственное, но и юридическое значение этого требования. Между тем, повторим, оно есть исходный принцип либерализации общественной жизни, моделирования социальных изменений и их последствий в условиях трансформации социальных институтов на пути к демократизации. Оно есть и гарантия для верховной власти — от искушения и соблазнов, которые открываются стихией перестроечных реформ.

Итак, идея права (подчинения всех без исключения закону) дополнялась в новом либерализме идеей блага. Важно, что благо мыслилось как средство, обеспечивающее реальное равенство всех перед законом и уже по одному тому, как оправдание гегемонии закона, и в этом смысле — как орудие права. Соединение идеи права с идеей блага придавало толкованию права *социальный* смысл. (Еще одно основание для интерпретации новой идеологии именно как социального либерализма.)

Обращение к идее блага, таким образом, вносило коррективы в модель правового государства: *во-первых*, она не исключала государственного регулирования экономики с целью ориентации ее на человека и культуру, чего не принимал старый либерализм; *во-вторых*, эта модель освобождала понятие права от чрезмерного формализма, чего не хватало старому либерализму, причину чего новые либералы усматривали в ограниченности его философской конструкции.

Последняя основывалась, считали они, на «механической концепции общества», в рамках которой общество рассматривалось как «агрегат одинаковых атомов-граждан»,

которые, будучи поставлены в одинаковые условия, дадут максимум возможной энергии, поэтому при определении границ свободы и равенства всегда имеющееся между людьми различие (общественное, индивидуальное) не учитывалось. Этой концепции новые либералы противопоставили более органичное понимание общества как живой цельности, как единства многообразия, в котором каждый человек отличен от другого, занимает свое особое и незаменимое, т.е. индивидуальное место. Сфера личных прав интерпретировалась как своеобразная «непроницаемость отдельной личности для любого другого», важнейшим условием которой признавалось наличие минимума благополучия. Именно оно расценивалось как гарантия против любых попыток превращения человека в орудие чужой воли. Другими словами, предлагаемая интерпретация «непроницаемости личности» предполагала правовую и материальную защиту индивидуальности, придавая в глазах государства ее безусловной ценности «Юридический статус». Тем самым понятие равенства освобождалось от «привкуса фактической одинаковости» и очищалось до «понятия равноценности фактически различных между собой личностей»²⁸³.

Итак, повторяем, если для классического либерализма деятельность государства связывалась главным образом с функцией охраны права, то для нового либерализма менялось содержание самой охранительной функции: запретам придавался смысл *положительных предписаний с позиций справедливости*.

4.3. Собственность как «самопродолжение личности в вещах»

Из так понятых отношений личности (ее прав) и государства (его функций) вытекала и новая трактовка отношений собственности. Классический либерализм ос-

новывался на римской идее собственности как неограниченном распоряжении принадлежащими индивиду вещами («полновластие лица над вещью»). В ее рамках ограничение права распоряжаться вещью рассматривалось как посягательство на свободу собственника, как насилие. Для нового либерализма собственность есть *основание и гарантия личной инициативы*: это не принадлежащая индивиду «вещь», а «материальное поприще человека», основа его хозяйственно-предпринимательской деятельности и культурного творчества — как бы «самопродолжение личности в вещах»²⁸⁴. Понятие собственности распространялось на условия труда, сам труд и продукты труда, в том числе духовного. Отсюда неприятие монополизации собственности (в равной степени и ренты — «незаработанного дохода») как сковывающей личную инициативу и творческие возможности человека в хозяйственной деятельности. Новые либералы объявили поход против монопольной собственности. В монопольной собственности вещь, предмет владения перестает быть поприщем творческой деятельности. «Монопольная собственность /.../ устраняет свободу инициативы. Вместо того, чтобы служить развитию производительных сил и побуждать к экономическому творчеству, она, напротив, потворствует косности, упраздняя конкуренцию»²⁸⁵.

Признавая в качестве подлинной собственности только частную, новый либерализм был, однако, далек от того, чтобы не видеть другие тенденции в ее развитии. Так одновременно с усилением монополизации констатировалась и другая тенденция, суть которой видели в том, что собственность, оставаясь частной, все более *социализируется* (обобществляется), т.е. становится функцией хозяйственной жизни общества в целом. Будущее связывалось с развитием этого момента собственности, с «*правовым опутыванием*» отношений собственности (вплоть до обобществления вменяемой обществу части дохода). «Процесс обобществления собственности, — писал

Гессен, — есть менее всего простая механическая «аккумуляция капитала». Это есть сложный органический процесс усиления взаимозависимости между отдельными предприятиями и все более и более тесного включения последних *в целое народного хозяйства*»²⁸⁶.

Социальная политика должна учитывать, что, с одной стороны, собственность становится все более сферой *общности*, т.е. оправовляется, с другой стороны, обобществленная таким образом, она все более выступает частной, в смысле *индивидуальной*. (Соответственно, что важно и существенно, хозяйственная деятельность обнаруживает сходство с духовной в плане единства объективного и личного начала.) Тенденция, проявляющаяся в фактическом росте обобществления средств производства и возрастания роли государства в функционировании института собственности, отмечалась как наиболее перспективная и в плане выбора направления социального моделирования развития хозяйственной сферы. Чем более собственность обобществляется в смысле «опутывания» ее правовыми отношениями, выражающими интересы общества, тем очевиднее и ускореннее она социализируется, т.е. развивается в соответствующих требованиях времени и экономического роста формах.

Процессу социализации собственности соответствует процесс ее *индивидуализации*, т.е. установление творчески-активной связи между материальными средствами жизни и собственником. И обратно: чем менее индивидуализирована связь собственника с вещью, тем более антисоциальна данная собственность. В этом смысле процессу обобществления противостоит по сути и по форме огосударствление собственности: путем последнего можно только отменить и уничтожить собственность, но не обобществить ее. Подлинное обобществление пред-

полагает «наличие множества собственников и потому не нивелировку собственности /.../, а усиление и рост ее индивидуализации»²⁸⁷.

В связи с вопросом о собственности остановимся еще на одном моменте — на отношении нового либерализма к эксплуатации. Последняя толковалась как отсутствие того минимума благополучия, без которого невозможна свобода личности, как важнейший фактор превращения человека в средство реализации целей материального производства, другими словами в товар. Это зло современного общества, считали новые либералы; частично оно нейтрализуемо в пределах правового государства посредством повышения уровня благосостояния и благополучия народа. Но подобным образом, признавали они, нельзя решить вторую сторону проблемы, — связанную с приравниванием труда к товару, а человека к вещи. Эта проблема не разрешима в рамках правового государства, хотя в условиях последнего может быть снята ее острота. (В этом, кстати, неолиберализм видел одну из задач правового государства.) В его рамках, точнее его правовыми средствами, невозможно преодолеть и общий «дух капитализма», проявление которого виделось прежде всего в господстве материального производства (хозяйства, экономики) над общекультурной жизнью общества, в превращении целей развития материального производства (в частности, прироста прибыли) в цель всей общественной жизни.

Правда, оставаясь на позициях правового государства, новый либерализм и не ставил задачу борьбы с «духом капитализма», так как не отрицал его связи с частной собственностью, защитником которой был. Встав на путь оправдания и последовательной реализации регламентаций по расширению государственных функций в сфере экономики, новые либералы вынуждены были бы в конце концов отказаться от главного принципа либерализма и

правового государства. Поэтому речь шла фактически лишь о смягчении духа капитализма средствами подчинения хозяйственной жизни культурным целям человечества.

Итак, рассмотрение вопроса по обозначенным трем пунктам свидетельствует о следующем: социальный либерализм чрезвычайно расширял сферу деятельности государства. Обеспечение права на достойное существование и борьба с монопольной собственностью требуют усиления активности государства в области хозяйственной и культурной работы (школы, страхование, промышленность, земледелие, творчество). Это требование расценивалось как основа социального моделирования. Идеи права, свободы, равенства, собственности наполнялись новым содержанием, приобретая ярко выраженную *социально-культурную ориентацию*, делая реальным освобождение их от исторической ограниченности и излишней формализации. За ними в перспективе утверждался смысл, когда «свобода откроется нам не как произвол себе довлеющего атома Демократии, а как растущая сила *творческой* активности. *Личность* — как движение к сверхличным *объективным* началам жизни. *Равенство* — как равноценность незаменимых в своем *Различии* личностей и *Собственность* — как служение *Общности*»²⁸⁸.

Такая позиция ставила во главу угла проблемы демократии — и как формы государственного устройства, и как принципа общественной жизнедеятельности.

4.4. От демократии политической к демократии общественной

Либеральная модель развития исходит из признания демократии формой правового государства. Важно, что в рамках этой модели демократия не сводима к принципу представительства. Новый либерализм весьма скептически относился к понятиям всеобщей воли или воли

большинства, видя в них фикции, используемые в игре политических сил, и считая, что общий интерес не существует как нечто данное, а формируется как равнодействующая всех борющихся в обществе сил, под контролем государства. При этом меньшинство не может быть принесено в жертву большинства, односторонне подавлено большинством, а должно получить хотя бы частичное признание. Функция государства состоит в поддержке *солидарных интересов людей* — самого ценного с точки зрения общечеловеческих интересов, а значит, в обеспечении должных условий существования этого меньшинства. Важнейший параметр демократического государства, предупреждал С.А.Котляревский, «заключается в том, чтобы эта власть большинства не применялась со всей тиранической полнотой, чтобы у нее были пределы»²⁸⁹. Сама же солидарность — это общественный идеал, следование которому составляет смысл и содержание государственной деятельности в правовом государстве. Последнее и есть по своей природе самая всеобъемлющая форма солидарности. Но не только в плане общественного единения, но и в плане реализации принципов парламентаризма: в плане солидарности правительства с представительством (не с партиями!) как выражением народного мнения. Здесь необходимо отметить следующее.

Одной из главных черт государственной власти, говорили новые либералы, является ее *безличность*: в правовом государстве господствуют не лица, а общие правила или правовые нормы. Для лиц, обладающих властью, последняя является не их субъективным правом, а правовой обязанностью, которую они должны нести как «*общественное служение*». Это и придает власти правовой характер, и делает ее подзаконной. Поэтому власть в правовом государстве всегда выступает носителем какой-нибудь общественной идеи и в этом смысле должна *иметь нравственное оправдание*.

Это оправдание может включать стремление к утверждению величия страны, заботу о росте благополучия народа, упрочение правового порядка, усиление роли государства в регулировании общественных процессов, в частности экономической жизни, и т.п. Каждый из этих мотивов власти (или их совокупность) составляют одухотворяющую ее основу, без которой она в цивилизованном мире гибнет. Поэтому крайне важно, чтобы эта идея *была*, чтобы она осознавалась и принималась как на уровне государственной политики, так и на уровне обыденного массового сознания, находила реализацию в социальном поведении людей, в деятельности отдельных групп, в политике (внешней и внутренней) государства в целом. «Отношения господства и подчинения утверждаются и укрепляются благодаря идейному оправданию их /.../ Чтобы существовать и быть признаваемой, власть должна себя оправдывать /.../ Только если власть способствует тому, что должно быть, только если она ведет к господству идеи права, только тогда мы можем оправдать ее существование, только тогда можно признать ее правомерной»²⁹⁰.

Только с соблюдением этого условия власть способствует тому, что *должно* быть, в нашем случае — ведет к господству идеи права; только при соблюдении этого условия она может быть признана *правомерной*. Короче говоря, главным основанием власти является ее духовное, нравственное оправдание. Лишь это ведет к господству над ней права. И тогда становится возможным переход *от демократии политической к демократии общественной*. «Для демократии недостаточно одно механическое повиновение граждан государственному закону; от них требуется большее, чем соблюдение закона, большее, чем согласование с нормами права, требуется такая степень солидарности и подчинения своих интересов общему благу, которая не может охватываться никакой правовой нормой»²⁹¹. Конечно, чтобы демократия приобрела такой

характер, необходимы условия, главным из которых является нравственное и духовное развитие личности, высокий духовный потенциал всего общества. Так идея власти (государства) увязывалась с идеей свободной личности, которая в таком новом контексте становилась политическим требованием.

Среди средств достижения подобной солидарности важнейшим считалась способность власти к компромиссам и терпимость к плюрализму мнений. «Задача всякого акта государственной власти заключается в том, — подчеркивал Гессен, — чтобы *создавать* общую волю, искать ее путем непрерывного сглаживания интересов, путем отказа определенных общественных групп от одностороннего господства в обществе их интересов, включающих все другие»²⁹². Общая воля иррациональна как результат, но она конкретно-реальна как задача политического действия. Отсюда политическая программа либерализма: расширение избирательных прав, защита прав меньшинства, которое не может быть подавлено большинством, сглаживание классовых противоречий путем широкого обращения к компромиссам. Поскольку общая воля — это всегда не готовый факт, а скорее задание, то ни одна группа общества не может узурпировать ее. Избирательные права, привлечение к законодательству и управлению широких масс, непосредственно заинтересованных в способе решения государством новых задач, есть гарантия общего блага, что и является свидетельством демократической власти.

Отсюда вытекало признание множественности партий, выражающих интересы различных групп и вместе с тем необходимость правового ограничения их деятельности со стороны государства с целью недопущения диктатуры одной из них. «Если демократия, — писал Новгородцев, — открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему

их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и к разрушению основ государственной жизни»²⁹³. Правовое государство должно и может гарантировать народ и каждого гражданина от деспотизма одного лица, партии, класса или даже «самодержавия народа». Деспотичным может быть государство, построенное на принципе народовластия, а деспотизм народа бывает ужаснее деспотизма отдельного лица. В правовом государстве власть организуется так, чтобы, с одной стороны, она не подавляла личность, а с другой стороны, личность (народ) — были бы не только ее объектом, но и субъектом. Его принцип предполагает *суверенитет*, то есть *верховенство* народа, он не требует во имя общего дела принесения в жертву интересов отдельной личности. Но поэтому демократия невозможна без соответствующего воспитания народа, без поднятия его нравственного уровня.

Таким образом, в системе понятий нового либерализма демократия понималась как выражение *релятивизма*, как запрет любому считать себя выразителем абсолютной истины, как признание за каждым права на искажение последней. *Это толкование имело вместе с плюсами свои минусы*. Демократия, готовая допустить всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему (лишь бы это не нарушало начала свободы!) всегда есть «*распутье*» (Новгородцев), «система открытых дверей, расходящихся в неведомые стороны дорог»²⁹⁴. А это при длительности подобного состояния может создавать социальную усталость, ослаблять, образно говоря, бдительность народа, провоцировать всплески анархических или, напротив, авторитарных настроений и ожиданий.

Иными словами, «система свободы и свободной игры жизненных сил, система открытых дверей и неопределенных возможностей» имеет свои издержки. В определенных условиях она может провоцировать анархические

давления на общество со стороны некоторых групп, или, скажем, усиливает влияние авторитарных настроений и ожиданий и даже их реализацию — ведь в условиях демократии ни один путь «не заказан», ни одно направление не запрещено. (Пример тому — наша сегодняшняя социально-политическая ситуация.) Подобные издержки хорошо понимал сам Новгородцев, обосновавший модель «демократии на распутье». Но в поисках выхода из тупика он предлагал решение, весьма далекое от средств реальной политики. Демократия, как и всякая форма государства, писал Новгородцев, сильна только тогда, когда над ней стоит справедливость, когда народ не забыл, что в мире есть Высшая Воля, перед которой народная воля должна преклониться.

Защищая демократию, новые либералы пытались внести некоторые оговорки. В частности, обосновывалось требование расширения избирательного права, в чем усматривалось правовое ограничение государства в пользу народа. Утверждалось, что демократия есть ограничение государства субъективными правами его граждан, и притом не только отрицательными правами невмешательства в сферу личной свободы, но и положительными правами действия в интересах роста личной активности. Иными словами, она есть привлечение к общему делу множественной активности, что в конечном счете (хотя и не всегда) означает усиление совокупного государственного действия, а это определяет во многих случаях преодоление распутья.

Правовое ограничение государства есть всегда не умаление, а повышение его активности. Вот почему необходимо расширение избирательных прав граждан, привлечение к законодательству широких слоев народа. Последнее толковалось как средство придания правового характера борьбе общественно-политических групп и как принципиальное признание того, что никто сам по себе не является выразителем общей воли народа — последняя есть результат совместных исканий.

Государству в этих исканиях принадлежит роль *посредника*: оно должно способствовать приобщению всех групп к выработке компромиссов, находить «равнодействующую» сталкивающихся интересов. Государство никогда не стоит «лицом к лицу» с отдельными гражданами, а имеет дело с их организованными группами. Поэтому его роль заключается не только в том, чтобы разбирать споры отдельных лиц на основании раз навсегда установленного закона, а и в том, чтобы приобщать все группы к созданию «общей воли», т.е. чтобы постоянно искать компромисс между их различными сталкивающимися интересами, находить «равнодействующую» последних. «Задача государства заключается в том, чтобы быть *надклассовым посредником между классами* и тем самым придавать их борьбе правовую форму»²⁹⁵. Демократия не всегда способна организовать сильную власть, и ее тоже надо защищать. Поэтому в правовом государстве власть должна быть организована так, чтобы отдельная личность и народ могли быть как объектом, так и субъектом власти.

Отметим, что разработка принципов правового государства по рассмотренным направлениям подводила новый либерализм к идее «правового социализма», позицию которого наиболее последовательно разрабатывали Б.А.Кистяковский и С.М.Гессен. Но это было уже позже и это (тема для другого разговора).